

Книги Алексея Пехова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОД ЗНАКОМ МАНТИКОРЫ
ТЁМНЫЙ ОХОТНИК
ПЕРЕСМЕШНИК
ЛОВЦЫ УДАЧИ**

Цикл

«ХРОНИКИ СИАЛЫ»

**КРАДУЩИЙСЯ В ТЕНИ
ДЖАНГА С ТЕНЯМИ
ВЬЮГА ТЕНЕЙ**

Цикл «ВЕТЕР И ИСКРЫ»

**ИСКАТЕЛИ ВЕТРА
ВЕТЕР ПОЛЫНИ
ЖНЕЦЫ ВЕТРА
ИСКРА И ВЕТЕР**

Цикл «СТРАЖ»

**СТРАЖ
АУТОДАФЕ
ЗОЛОТЫЕ КОСТРЫ
ПРОКЛЯТЫЙ ГОРН**

В соавторстве с Еленой Бычковой
и Натальей Турчаниновой

ШАНС

Цикл «ЗАКЛИНАТЕЛИ»

**ЗАКЛИНАТЕЛИ
ЛОВУШКА ДЛЯ ДУХА**

Цикл

«КИНДРЭТ»

**КИНДРЭТ. КРОВНЫЕ БРАТЬЯ
КОЛДУН ИЗ КЛАНА СМЕРТИ
ОСНОВАТЕЛЬ
НОВЫЕ БОГИ**

В соавторстве с Андреем Егоровым

ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

ВЬЮГА ТЕНЕЙ

РОМАН

Москва, 2014
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П23

Серия основана в 1992 году
Выпуск 280

Художник
О. Юдин

Пехов А. Ю.
П23 Вьюга теней: Фантастический роман.—М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014.—540 с.:ил.—(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1761-2

Величественные леса Заграбы скрывают под кронами златолистов заброшенные города сгинувших рас, деревни воинственных орков, легендарный Лабиринт и могильники Костяных дворцов. Подземные катакомбы хранят в своих мрачных глубинах тайны Темной эпохи. Страшно подумать, что ждет того, кто по глупости своей решится потревожить покой этого места. Но там, где не пройдет герой, прокрадется мастер-вор. Уж не Гаррету ли, научившемуся танцевать с тенями, суждено сделать то, что неподвластно герою – добыть легендарный Рог Радуги и выбраться из Заграбы? ...А пока Зло вьется над королевством, армии врагов наступают, и пошатнувшееся равновесие вот-вот грозит разбудить вьюгу теней...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Пехов А. Ю., 2002
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2002

ISBN 978-5-9922-1761-2

Глава 1 ЗОЛОТОЙ ЛЕС

— А чего ты ожидал, Гаррет? Фанфар?! — не переставал возмущаться Кли-кли, и его писклявые вопли разносились по всей округе.

Маленький зеленый гоблин довольно болезненно реагировал, когда я начинал критиковать леса Заграбы. Стоило мне раскрыть рот и выразить недовольство даже самым маленьким цветочком, как королевский шут тут же бросался в яростную словесную перепалку, защищая свою родину.

— Да нет, просто я думал, что Заграба немного другая, — миролюбиво ответил я ему, уже жалея, что затеял этот разговор.

— А какой она, по-твоему, должна быть? — тут же спросил меня Кли-кли.

— Ну не знаю... — задумчиво протянул я, лишь бы только избавиться от надоедливого гоблина.

— Раз не знаешь, чего же ты тогда мне голову моришь? — Голубоглазый шут в раздражении пнул кочку, так некстати подвернувшуюся ему под ногу. — То ему не так! Это ему не так! Кому ты только такой достанешься?! Что ты хотел лицезреть здесь своим прекрасным и наивным взором? Величественные деревья в девяносто ярдов высотой? Или ручьи с кровью и обуров под каждым кустом? Прости, этого здесь нет. Заграба — лес, а не собрание детских сказок!

— Я это уже понял, — примиряюще кивнул я.

— Понял он, ха! — Кли-кли жаждал крови.

— Кли-кли, веди себя потише, — не оборачиваясь, попросил идущий впереди гоблина Угорь.

Ворчливая мелочь обиженно посмотрел на высокого смуглого жителя Гаррака, надулся, замолчал, и в следующие два часа из него невозможно было вытянуть ни словечка.

Мы шли по Заграбе уже пятый день. Да, да, понимаю, как это должно выглядеть в ваших глазах: девять ненормальных, среди которых два темных эльфа, один гоблин, один широкоплечий карлик, один сварливый бородатый гном, один хмурый рыцарь, двое воинов и парень явно воровской наружности, шествуют меж елок и вопят во всю глотку.

Почему вопят? Потому что психи.

Почему психи? Потому что ни один нормальный ни за какие деньги не сунется в Страну лесов, тем более на территорию орков, славящихся на всю Сиалу «горячим гостеприимством» к чужакам.

На самом деле мы не такие уж ненормальные (по крайней мере за себя я отвечаю). Просто сунуться в Заграбу нас заставила очень большая необходимость, имя которой — Рог Радуги.

Вы спросите, какой тьмы нам понадобилась какая-то проклятая дудка? Что ж, охотно отвечу: будь моя воля, я ни за какие деньги не полез бы за Рогом в могильники Храд Спайна. Но я человек подневольный, на мне висит Заказ, и к середине зимы я должен притащить Рог Ордену магов в славный город Авендум, иначе всему королевству настанет большой и полный привет.

Рог Радуги, по глупости запрятанный магами прошлого в самую глубину Костяных дворцов, сдерживает парня по имени Неназываемый, что уже лет пятьсот точит зуб на наше королевство. Теперь сила Рога слабеет, и уже к марту можно ожидать колдуна вместе с силищей всех Безлюдных земель к нам в гости. Естественно, Неназываемого с распростертыми объятиями здесь никто не ждет, и поэтому Ордену магов позарез нужен Рог, дабы прогнать врага обратно в ледяную пустыню.

Это так, краткая справка для тех, кто ломает голову, что мы делаем в Заграбе. Достаем Рог, спасаем мир и занимаемся другой бесполезной и совершенно дурацкой ерундой.

Глупо? Что ж, склонен с вами согласиться. Я и сам каждое утро просыпаюсь с этой мыслью, но меня отчего-то никто не желает слушать. Ни Миралисса, ни тем более Алистан Маркауз.

Но тут я сам виноват — связался с Заказом, который невозможно расторгнуть. Теперь приходится пыхтеть, бегать, кричать и постоянно вылезать из кучи... неприятностей.

Впрочем, есть и хорошие стороны Заказа — после выполнения работы я получу пятьдесят тысяч золотом и королевское помилование... Вот только я что-то не слышал, чтобы покойники нуждались в деньгах и помиловании. Обычно мертвецам требуется глубокая могилка и надгробный камень.

К чему я все это говорю? А к тому, что все, что происходило с нашим отрядом во время пути от Авендума до Заграбы,— ласковые весенние цветочки. А вот в Заграбе и тем более в Храд Спайне начнутся горькие ягодки. Я не питаю иллюзий (разве что чуть-чуть) по поводу успеха нашей миссии.

— Гаррет, ты опять занимаешься ерундой? — Голосок Кли-кли отвлек меня от мрачных раздумий.

— Заниматься ерундой — твоя работа. Я вор, а не королевский дурак,— мрачно ответил я маленькому пакостнику.

— Не повезло,— ухмыльнулся тот.— Был бы шутком, не подставился и не получил бы от короля теперешний Заказ. Сидел бы дома, попивал пиво...

У меня возникло стойкое желание отвесить зеленому негодяю пинка, но он, как видно, читал мои мысли и живенько юркнул за Угря. Пришлось отложить расправу на потом.

В тот самый момент, когда мы вступили в Заграбу, Миралисса задала отряду бешеный темп, и к концу первого дня я едва не помер. На ночлег мы остановились на какой-то лесной полянке, и я начал подумывать, что на следующее утро уж точно не встану. Если всем остальным так нравится идти через лес — это их полное право, а я лучше полежу на травке и отдохну. Или пусть, коли охота, тащат меня на закорках, потому как, клянусь Саготом, сил для лесных прогулок у меня не осталось.

Утро следующего дня действительно выдалось тяжелым. Пришлось пересилить себя и, сжав зубы, топтать, топтать и топтать. Но к обеду я как-то втянулся в этот размеренный, но быстрый темп и еще через день почти перестал замечать усталость. У меня даже возникло подозрение, что эльфийка подмешивает в котелок что-то из своих магических запасов, чтобы мы легче переносили дневные переходы.

С тех пор как мы вошли в Заграбу, костер разжигал Эграсса. Удивительно, но огонь, разведенный кузеном Миралиссы, почти не давал дыма. В первую ночь я немного нер-

вничал — пламя могло привлечь к нам ненужное внимание, — но вечно осторожный эльф не очень-то беспокоился, а раз так, то и мне не стоило волноваться.

За те пять дней, что мы путешествовали по лесу, при всем моем скептическом отношении к Заграбе я повидал множество чудес. Мы шли звериными тропами, которые то появлялись, то вновь терялись в зарослях папоротника и колючей ежевики. Мы проходили через густые рощи черного заграбского дуба, сосновые боры, лесные полянки и лужайки, залитые солнечным светом и заросшие лесными цветами. Перепрыгивали через журчащие ручьи с хрустальной водой. Лес тянулся и тянулся: лиги рощ, густых непролазных буреломов, которые приходилось обходить, теряя драгоценное время, десятки полян и болотистых низин в тех местах, где разливались запруженные неизвестными существами ручьи.

И ни следа орков.

Лишь белки встречали нас гневными криками «чак-чак!» и подолгу провожали отряд, перепрыгивая с ветки на ветку и с дерева на дерево. Позавчера, часа три пролазив по поваленному весенней бурей лесу, мы вышли на прекрасную лесную поляну, заросшую цветами, от ярких красок которых рябило в глазах. Но стоило идущему впереди всех Эграссе сделать шаг, как поляна взорвалась яркой радугой, и цветы взмыли в небо, превратившись в тысячу бабочек всех цветов и размеров. Кли-кли в силу своего природного любопытства попытался поймать хотя бы одну, но по самую макушку угодил в чью-то нору. Пока мы его оттуда доставали, потеряли массу времени. Гоблину влетело и от Миралиссы, и от графа Маркауза. Теперь Кли-кли старался не показываться им на глаза и шествовал в компании вашего скромного слуги.

Возле дубовой рощи, где звенел веселый ручей, гоняя корабрики из упавших листьев, мы встретились с кабаном. Это был матерый секач, на его спине вполне могло усидеть сразу два человека. Попади такая тварь на праздничный стол, и ее бы еле-еле съели две роты вусмерть голодных воинов.

Делер, как самый умный и проворный, мигом оказался на дереве. И это несмотря на то, что возле земли у бука не было ветвей, по которым следовало взбираться всякому уважающему себя карлику. Секач посмотрел на нас черными злобными глазками, яростно хрюкнул и двинулся вперед.

Но Миралиссе было достаточно сверкнуть желтыми глазами и выставить перед собой руку, чтобы кабан встал как вкопанный, а затем, виновато похрюкивая, удалился.

Делер с высоты своего убежища глянул на эльфийку с нескрываемым уважением и спустился вниз. Халлас не преминул отметить, что все карлики трусы. Тот в свою очередь сказал, что гномы просто слишком неловкие и не умеют лазить по деревьям, поэтому им и завидно. Крепкий карлик и худенький гном едва не затеяли очередной спор, и пришлось вмешаться Угрю и Фонарщику, чтобы оттащить вечных спорщиков друг от друга.

По лесу мы передвигались гуськом, следуя за Эграссой. Нашу маленькую колонну замыкал Алистан Маркауз. Рука графа не покидала рукояти любимого меча, но дубовый треугольный щит был заброшен за спину.

Такое передвижение, как сказал эльф, уже три раза спасало нам жизнь. Халлас с истинным гномьим упрямством возмутился, что все это ерунда и ему не очень приятно наблюдать у себя под носом задницу карлика. Эграсса на это лишь усмехнулся:

— Как только мне представится такая возможность, я с удовольствием продемонстрирую почтенному мастеру гному сюрпризы Загабы.

Халлас встопорщил бороду, хмыкнул и в тон эльфу ответил, что с превеликим удовольствием посмотрит на эти самые дурацкие сюрпризы.

Случай представился совсем скоро. Эграсса ткнул подбранной с земли палкой перед собой, и земля обрушилась, представляя нашему взгляду глубокую волчью яму, дно которой было усажено кольями, словно спина какого-нибудь ежа.

— Вот и подумай, гном, что бы было, если бы ты шел не за мной,— весело сказал эльф, сверкнув для убедительности клыками.

Халлас озадаченно крикнул, стянул с башки шлем, почесал в затылке, но на попятный пошел, только когда эльф обезвредил при нем еще две ловушки — скрытый в кустах самострел и огромное бревно, висящее высоко в листве дуба прямо над тропинкой. Рухни такая штука на тропу, и кто-то бы оказался раздавленным.

— А кто поставил эти ловушки? — любопытствовал Фонарщик, перекладывая страшный двуручный меч с левого плеча на правое.

— Кто знает.— Эльф хитро улыбнулся и посмотрел на низкорослого человека.— Троп слишком много, чтобы проследить за всеми.

— Но ты-то ведь знаешь, где какая западня находится! — Мумр решил во что бы то ни стало добиться ответа на свой вопрос.

— Немного магии — вот и вся хитрость.— Смуглый эльф поправил с'каш за спиной.

Понятное дело — темный не собирается делиться секретами своего народа с чужаками.

Однажды, после того как Кли-кли по грудь провалился в болото (ему приспичило отойти в кустики), на тропу перед нами вышел лось. Это был король лосей, размах его рогов оказался больше трех ярдов. Зверь втянул носом воздух, безучастно поглядел на нас огромными бархатными глазами и, деловито переставляя длинные мощные ноги, скрылся в ельнике. Кажется, в Заграбе просто нет маленьких животных. Халлас огорченно крикнул и пожалел, что не догадался прибить зверюгу.

— Вот мяса бы наелись!

На что Делер весело расхохотался и сказал, что весь разум гномов ушел в их бороды, иначе они бы догадались, что не стоит связываться со здоровенными чудовищами.

Целый день в ветвях деревьев чирикали, стрекотали и пели птицы. Дубы шептали нам перед сном колыбельную леса, а совы умиротворяюще ухали в ночной тишине. На четвертый день нашего путешествия Миралисса сказала, что надо прибавить ходу и теперь отряд будет идти еще и ночью. Кто-то тихонько застонал (вроде это был я), но, естественно, никто не обратил на это должного внимания.

На небе появилась полная луна, света в лесу оказалось предостаточно, да и эльфы, похоже, видели в темноте не хуже кошек. Теперь мы шли большую часть ночи и леглись спать в предрассветные часы, чтобы после полудня вновь начать продвижение к Храд Спайну.

Ночью я и узнал, что такое волшебство Заграбы. В это время суток лес преображался, превращаясь в дикий, чужой, таинственный, но на свой лад прекрасный мир.

Темные ветви-руки дубов и кленов, загадочный шепот в кронах — то ли это шепчет листва, разбуженная ветром, то ли общаются между собой неведомые существа. Шепотки, попискивания, легкие смешки раздавались с деревьев, из кустов и высокой травы. Иногда за нами следили яркие искорки крохотных глаз. Зеленые, желтые, красные. Ночные жители леса наблюдали, переговаривались, но не спешили вылезать из своих норок нам навстречу.

— Кто это? — шепотом спросил я у Кли-кли.

— Ты об этих говорунах? Мой народ называет их лесными духами. У каждого дерева, куста, лесной поляны или ручья свой лесной дух. Не обращай на них внимания, они совершенно безобидны.

— Это так, мелочь.— Делер попробовал пальцем одно из лезвий своей секиры.— Видел бы ты, какие лесные духи в Дремлющем лесу! Вот от тех неизвестно чего ждать, а эти сидят тихонько, никого не трогают...

— Только зырят,— закончил за Делера Халлас.

— Во-во,— в кои-то веки согласился с гномом карлик.

Но духи — это еще не все, что было в ночной Заграбе. Однажды мы увидели, как в лесу горел воздух. Тысячи светлячков порхали меж деревьев, вспыхивая изумрудным, бирюзовым и алым. Кли-кли поймал с десятков этих безобидных созданий и посадил себе на плечи. Несколько минут гoblin светился, как какой-нибудь святоша из рассказов жрецов, затем светлячкам наскучило кататься на королевском шуте, и они упорхнули в яркий живой калейдоскоп своих собратьев.

Ночь была временем сов, бесшумно плывущих в лунном свете над лесными полянами. Птицы искали еду, вслушиваясь в звуки, раздающиеся из травы.

Ночь была временем волков — мы несколько раз слышали их отдаленный вой. Ночь была временем существ, названия которых я не знал. Крики ночных птиц, больше похожие на хохот сумасшедшего, рев, уханье, чириканье, рычание. В ночи жили самые разнообразные существа, и не всегда они были добры к незванным гостям.

Четырежды Эграсса и Миралисса уводили нас с тропинки, и мы, затаившись, пережидали опасность. Что нам угрожало и от чего мы прятались в придорожных кустах, эльфы объяснять не удосуживались. Но в такие моменты даже не-

поседливый гоблин и скандальный гном затихали и выполняли все эльфийские приказы.

Ночью Заграба становилась разноцветной. Яркой и сочной. Свежей изумрудной, нежной бирюзовой, льдисто-голубой, сладкой огненной, ядовитой салатовой. Всполохи холодного огня наполняли лес чарующей жизнью и сказкой. Радужными красками переливались светлячки, мерцала голубым гигантская сеть-паутина, пурпурным отливало тельце ее хозяйина-паука (размерами паучище был с добрую тыкву), зеленым полыхали трухлявые пни, сине-оранжевым пульсировали прожилки на изумрудных шляпках гигантских грибов, под которыми вполне мог переждать дождь взрослый человек. Розовый огонь, отражаясь в воде, блуждал в ветвях приозерных ив.

Холодное пламя бродячих огоньков, голубые искорки в кронах деревьев, мерцание глаз ночных духов, запах леса, трав, влажной земли, подгнившей листвы, еловых иголок, сосновой смолы, дубовых листьев, меда и свежести ручья. Что бы я там ни говорил Кли-кли днем, дикая и ни с чем не сравнимая ночная красота лесов Заграбы меня потрясла. Но чаще всего ночами Заграба была почти черной, и в такое время нам приходилось идти в бледно-серебряном свете луны.

К вечеру пятого дня по узкой тропке, петляющей меж заросших мхом лиственниц, мы вышли к Золотому лесу.

— Слава богам! — Фонащик с облегчением бросил свой мешок на землю. — Кажись, добрались!

— Ты прав, — подтвердила Миралисса. — Отсюда до Храд Спайна полтора дневных перехода.

От ее слов у меня ни с того ни с сего неприятно кольнуло в животе. Вот оно! Почти дошли! То, что два часа назад казалось мне таким далеким и недостижимым, теперь лежит от нас всего лишь в двух днях пути.

— Лес как лес. — Халлас презрительно покосился на деревья с золотистыми листьями. — Вечно Первые строят из себя избранных! Можно подумать, что и дерьмо у них из золота!

— Надеюсь, тебе не представится возможность спросить их об этом, Халлас, — нехорошо усмехнулся Угорь. — Орки не склонны отвечать на такие вопросы.

— Идемте, надо продолжать путь. — Милорд Алистан снял сапог, вытряхнул из него попавший туда камешек и снова натянул обувку на ногу.

Золотым лес назвали оттого, что кроме других деревьев, самых обычных, здесь росли златолисты. Это были величественные гиганты с темно-оранжевыми стволами и широкими листьями, будто бы отлитыми из червонного золота. Златолисты росли только здесь, в Золотом лесу, и древесина их очень ценилась во всех Северных землях, не говоря уже о таких странах, как обе Империи и Султанат. Если орки ловили дровосека, срубившего златолист, то поначалу отрубали ему руки его же топором, а затем делали и уж вовсе ужасные вещи.

— Ты бы видел, Гаррет, как красив Золотой лес осенью!—разглагольствовал Кли-кли.

— Ты здесь бывал раньше? — спросил у шута Делер.

Кли-кли с театральным презрением посмотрел на карлика:

— К сведению некоторых, Золотой лес — это моя родина. Он тянется аж до самых Гор карликов — это вся восточная Заграба, так что нечего удивляться, что я знаю, как он выглядит осенью.

— Сейчас, кстати, уже осень,— поддел я гоблина.

— Начало сентября.— Шут презрительно фыркнул.— Вот погоди, начнется октябрь...

— К началу октября мне хотелось бы оказаться как можно дальше от Заграбы.

— Темнота-а-а!—обиделся Кли-кли.

— А далеко отсюда до твоего дома? — поинтересовался Фонарщик, машинально поглаживая свежий шрам на лбу (память, оставленная орочьим ятаганом).

— В гости собрался? — Кли-кли весело хихикнул.— Тогда тебе предстоит идти еще недельки три, пока не доберешься до центра территорий орков. Оттуда еще две недели до самой глухой чащобы, а дальше уж как судьба направит, может, и сможешь отыскать гоблинов, конечно, если они захотят, чтобы их нашли. Орки приучили нас к осторожности, да и вы, люди, в прошлом любили на нас поохотиться со славными собачками.

Тут Кли-кли прав — гоблинам сильно досталось в былые времена от людей, решивших, что маленькие зеленые создания — ужасные чудовища. Пока разобрались что к чему, от некогда большого народца осталось всего лишь несколько племен.

— А все же интересна история этого леса. Правда, что именно здесь впервые появились и эльфы, и орки?

— Правда,— хихикнул Кли-кли.— И тут же вцепились друг другу в глотку. У эльфов вроде даже песенка есть об этом. «Сказка о золоте» называется.

— «Легенда о мягком золоте», Кли-кли, ты все перепутал,— поправил гоблина Эграсса, слышавший наш разговор.

— А-а, какая разница! — беспечно отмахнулся Кли-кли.— Сказка, легенда... Все равно мира в Заграбе не будет, пока жив хотя бы один орк.

— Эграсса,— попросил эльфа Мумр.— Не расскажешь нам эту легенду?

— Ее надо не рассказывать, а петь. Спою. На привале.

— Запрещенные песни решил петь, кузен,— хмыкнула Миралисса, срывая с ближайшего дерева золотисто-красный лист и разминая его пальцами.

— А почему она запрещенная? — тут же пристал к Миралиссе Кли-кли.

— Не то чтобы запрещенная, просто петь ее в приличном эльфийском обществе считается верхом неуважения к окружающим. А так поют — в основном бунтующая молодежь, правда, по углам, чтобы не позорить честь предков.

— Что же там такого плохого? — вопросительно приподнял бровь Угорь.

— Эльфы там выставлены не в самом лучшем свете, Угорь,— ни с того ни с сего отозвался ранее молчавший милорд Алистан Маркауз,— а орки представлены благородными белыми овечками. Спорю на половину своих земель, что эту сказку придумали люди.

— Милорд ошибается, песню сочинил эльф. Очень давно. Вы ее слышали? — удивился Эграсса.

— Да, еще в молодости. Ее спел один из ваших светлых собратьев.

— Эти могут.— Темный эльф поправил серебристый обруч на голове.— Наши сородичи отказались от магии предков, так что не стоит удивляться тому, что они поют такое чужакам.

— Но и ты обещал нам спеть! — поддел Эграссу Кли-кли.

— Я — другое дело! — гордо отрезал эльф.

Что бы ни говорили темные другим, но отношения между ними и светлыми родичами были не такими уж и безоблачными.

Мы шли еще часа три, прежде чем эльф скомандовал привал. Отряд остановился на поляне, заросшей мелкими лесными ромашками. Из-за белизны цветов казалось, что выпал снег. Осень была не властна над Страной Лесов. По крайней мере пока. Оттого здесь можно было встретить и бабочек, и летние цветы.

На краю полянки меж корней кряжистого граба журчал ручеек, так что в воде у нас недостатка не было.

— Сегодняшней ночью останемся здесь, — решительно сказала Миралисса.

Алистан кивнул. С тех пор как мы вошли в лес, он полностью снял с себя командование и во всем подчинился Миралиссе и Эграссе. В чем милорду Крысе не откажешь, так это в мозгах. Граф прекрасно понимал, что эльфы о лесе знают намного больше, чем он, и стоит прислушаться к их словам и предложениям. То бишь выпустить, когда это надо, бразды правления из своих рук.

— Эграсса, ты обещал нам песенку, — напомнил эльфу после ужина Кли-кли.

— Давайте лучше спать, — зевнул Халлас. — Ночь на дворе.

Гном любил лишь песни своего народа. Нечто вроде «Молота по топору» или «Песни безумных рудокопов». Все остальное ему было абсолютно неинтересно.

— Ничего подобного! — отчаянно запротестовал гоблин.

— Халлас, тебе еще на часах сегодняшней ночью стоять, — напомнил гному Угорь. — Так что не укладывайся, все равно выспаться не удастся.

— А вот и нет! Первая стража твоя и Фонарщика, а мы с Делером заступаем только во вторую половину ночи, так что успею.

Халлас завалился на бок и тут же, не обращая внимания на других, захрапел.

— Так мы услышим песню? — полюбопытствовал Мумр, которому Миралисса только что закончила снимать швы со лба.

Благодаря шаманству эльфийки вместо грубого и уродливого шрама, напоминающего о страшной ране, через лоб Фонарщика проходил едва видимый розоватый рубчик.

— Услышите, я же обещал,— ответил Эграсса.— Просто для нее требуется музыка.

— Дык какие проблемы-то? У меня ведь дудка имеется! — Фонарщик полез в мешок за дудочкой.

— Боюсь, нужна музыка понежнее, — отказался от предложения Мумра эльф.— Да и шума от дудки много. Я сейчас.

Эграсса легко встал с травы, подошел к своему мешку и выудил из него дощечку размером не больше ладони. На дощечке были натянуты тонкие, едва видимые в темноте серебрястые струны.

— Что это? — с интересом спросил Делер.

— Г'дал,— ответила на вопрос карлика Миралисса.— Эграсса любит поиграть на нем на досуге.

Эграсса любит поиграть? Вот уж чего не знал, того не знал! По крайней мере не замечал за эльфом такого во время нашего путешествия.

Грубые пальцы темного неожиданно ловко пробежали по тоненьким струнам, и странный инструмент издал тихий певучий звук. Эграсса продолжал волновать струны, и уснувшую поляну заполнила мелодия.

— Учтите, что на самом деле петь легенду надо на орочьем. На человеческом она будет не такой прекрасной,— предупредил нас Эграсса и запел:

Златые стрелы у эльфов в чести,
Оркам бронза милей,
Лес Золотой и Черный лес,
Холодная песнь ветвей.

Эльфы пришли во главе с Королем,
Орков привел Аргад,
И друг против друга, глаза — в глаза,
Рука с Королем стоят.

«Это наш лес,— сказал Король,—
Идите назад, друзья,
Шкура орка не станет целей,
Если в шкуре стрела!»

«Слова не заменят тебе бойцов,—
Ответил ему Рука,—
Моих две тыщи, а твой — двухсот
Не наберет отряд!

Закалка клинков решает судьбу,
Бронза пусть правит бал!
Возьмем мы добычу, наш лес отберем,
Золото — мягкий металл!»

Элдониэсса, эльфийский Король,
Долго и странно молчал,
Потом улыбнулся Король врагу
И показал колчан.

«А где же стрелы, — спросил Аргад, —
Ужель ты сдаешься нам?»
Король рассмеялся: «Мечтай, Рука!
Горе твоим мечтам!

Ты слышишь, Аргад, трубят рога?
Пыль взбивает сапог,
То люди идут, доспехи надев,
Ваш наступает срок!

Вы любите бронзу? Она прочна —
Ты правду, Рука, сказал...
Но золото лучше. Я злато стрел
На силу людей поменял».

Стояли орки, подняв щиты,
Плотнее сомкнули строй,
Молчал Рука, потемнев лицом,
Да усмехался Король.

«Ты глупый эльф.— Аргада слова
Ударом меча разят.—
Ты, верно, решил, что, расправившись
с нами,

Люди тебя пощадят?!»

...Ревела ярость, гремел металл,
Клинок находил клинок...
Аргад, получивший двенадцать ран,
Упал. И подняться не смог.

Над ним склонился эльфийский Король:
«Рука, ты чего замолчал?»
«Спасибо, Король, хорошо лежать,
Золото — мягкий металл.

Скажу немного, а смерть добавит
Цену моим словам.
Пускай ты слаб, а враг силен —
Свой дом защищай лучше сам!» —

Закончив речь, глаза распахнул...
И замер — забыв дышать.
«Прощай, Рука орков, — сказал Король, —
Но как же тебя понимать?»

«Тяжелая битва, — сказал человек, —
Я много своих потерял,
Орки упорны, а бронзу рубит,
Увы, не всякий металл».

«Мы благодарны, — ответил Король, —
Мы не забудем услуг...»
«Для вас мы слуги? — спросил человек, —
Ответь мне, эльфийский друг!

Наемник хорош, коль надо искать
Добычу и где-то там...
Когда он рядом, собаке и то
Больший почет воздан!»

«Вам заплатили!» — «И мы дрались!»
«Так что же хотите вы?
Еще одной платы? Ну что ж, вот вам!
Мы не настолько скупы!»

Тогда улыбнулся солдат-человек,
С усмешкой он эльфу сказал:
«Не надо платы. Мы все возьмем.
Золото — мягкий металл»¹.

Эграсса умел петь, песня лилась тихо и красиво. Слова бежали, когда кипела далекая битва, струны плакали, когда

¹ Стихи Вячеслава Доронины.

умирал Рука орков, оставляя родичу-эльфу и кровному врагу последний совет.

Г'дал эльфа издал последний жалобный аккорд, и над поляной повисла гнетущая тишина.

— Красивая легенда,— наконец вздохнул Делер.

— Неудивительно, что эльфы не очень-то любят эту песню. Милорд Алистан прав: ваша раса выставлена не в самом лучшем свете,— изрек Мумр.

— Зато орки слишком уж благородны,— с презрительной миной ответила Миралисса.

— «Не в самом лучшем свете...», «слишком благородны...»,— протянул Кли-кли.— Это всего лишь глупая песня, на самом деле ничего подобного не было!

— С чего это ты решил, что этого не было? — Делер растянулся на своем походном одеяле и широко зевнул.

— С того, что это всего лишь легенда. Сказка, в которой нет ни капли правды. Когда в Золотом лесу появились эльфы, никаких разговоров не было. Орки сразу полезли в драку. И уж точно никто друг другу не говорил «друзья».

— Но Элдониэсса был. Он первый и последний Единый Король нашего народа.— Миралисса немножечко остудила воинственный пыл Кли-кли.— Его дети создали Дома эльфов.

— А Аргад жил на восемьсот лет позже и, помнится, едва не дошел до Листвы, вы еле-еле отбросили его армию на самом рубеже Черного леса,— хмыкнул гоблин.— А люди на Сиале появились через тысячу семьсот лет после описываемых событий, так что Элдониэсса, Аргад и человек никак не могли встретиться друг с другом. И эльфы отнюдь не такие идиоты, чтобы делать наконечники для стрел из золота. А орки не дураки ковать ятаганы из бронзы. Это не больше чем легенда, треш Миралисса.

— Но признайся, Кли-кли, красивая,— сказал я.

— Красивая,— благосклонно кивнул маленький шут.— А еще очень поучительная.

— Поучительная? Чему же она учит, гоблин? — Алистан Маркауз поворошил палкой костер.

— Тому, что не стоит полагаться на людей и доверять им, иначе можно потерять свой дом навсегда,— ответил гоблин.

Никто не стал спорить и возражать. На этот раз королевский дурак был абсолютно прав: дай нам волю, и мы перебьем всех врагов, потом друзей, а затем и друг друга.

Ночью ко мне вновь пришли кошмары, и в какой-то момент, когда мешанина снов переполнила голову, я открыл глаза.

Уже наступило утро, но все еще спали, если не считать Фонарщика. Халлас и Делер дрыхли, переложив свои обязанности на плечи безотказного Мумра. Заметив, что я проснулся, воин молча кивнул. Я немного полежал, удивляясь тому, что Миралисса не торопится вставать сама и будить других. Эльфийка решила дать отдых отряду перед последним рывком к Храд Спайну?

Вполне вероятно.

Откуда-то с края поляны доносилось тихое мурлыканье Кли-кли. Гоблин бродил возле самого леса и напевал незатейливую песенку. Выходит, не только мне одному не спится.

— Чего поешь? — спросил я, подойдя к нему. — Сейчас всех перебудишь.

— Я тихонько. Землянички хочешь? — Кли-кли протянул мне шляпу Делера, доверху наполненную отборной земляникой.

— А Делер знает, что ты таким образом используешь его любимую шляпу? — скептически спросил я у гоблина, но предложенную землянику взял. От ягод шел изумительный запах, и я просто не смог устоять.

— Ты думаешь, наш карлик может расстроиться? — задумчиво пожевал губами Кли-кли, бросив быстрый взгляд в сторону спящего Делера.

— Какой ты проникательный, Кли-кли, — хмыкнул я и взял еще горсть земляники.

— Ты опять стонал во сне, Танцующий. Плохие сны?

— Наверное. — Я небрежно пожал плечами. — По счастью, последнее время я их почти не помню.

— Мне это не нравится, — поморщился гоблин. — Кто-то не хочет, чтобы ты их видел.

— И кто же этот кто-то?

— Хозяин, например. Или его служанка — Лафреса.

— Умеешь ты радовать друзей, — сказал я Кли-кли. — Пойдем, разожжем костер, пока все спят.

— Давай, иди. Я сейчас землянику доем и принесу делеровскую шляпу обратно.

— Мм... Кли-кли, ты разве не видишь, что внутри она окрашена соком? Ты же половину земляники подавил!

— М-дя? Об этом я как-то не подумал. — Гоблин задумчиво оглядел дело рук своих. — Просто давленная земляника, по-моему, капельку вкуснее, чем обычная. Может, мне шляпу в ручье постирать?

— Пожалуй, не надо, сделаешь только хуже, — порекомендовал я ему и пошел обратно.

Кли-кли как маленький, будто не знает, что Делер теперь будет орать целый день по поводу безнадежно изгаженной шляпы! Да еще шут про Хозяина с Лафресой так некстати вспомнил.

Хозяин тот еще злыдень, устраивает нам прелестную жизнь с самого начала путешествия, но кто он такой, мы так и не узнали. Сволочь это всесильная и злопамятная и силенками может помериться с кем-нибудь из богов. Но, как видно, просто прихлопнуть нас ладошкой парень не хочет, поэтому изгаляется, как может, а когда мы портим его очередной каверзный план, он нисколько не расстраивается, а в сжатые сроки придумывает новый, еще «краше» и опаснее. Хозяин, как и Неназываемый, не шибко хочет, чтобы мы добыли Рог Радуги из могильников. И если для Неназываемого это вопрос жизни и смерти, то для Хозяина (как я думаю) — очередной каприз.

Лафреса же является служанкой Хозяина, и хоть она и выглядит двадцатилетней, ей уже несколько сотен лет, по крайней мере, так было в одном моем сне (да, да, представьте себе, в последнее время я обладаю такой нехорошей особенностью, как видение пророческих снов). А еще Лафреса самая сильная на моей памяти шаманка (или шаманша?), намного сильнее Миралиссы. Служанка Хозяина владеет запретной магией — Кронк-а-Мором, с помощью которой она даже умудрилась убить двоих наших, когда мы оставили ее с носом и украли Ключ. И если честно...

— Смотри под ноги, дылда! — рывкнули басом откуда-то снизу.

Я со страху едва не научился летать. Во всяком случае, подпрыгнул знатно.

— Много всего я в жизни видел, но чтобы дылды так под-скакивали — никогда! Эй! Куда смотришь, идиот? Вниз смотри! Вниз!

Вроде голос никакой опасности не представлял... Я послушно посмотрел вниз.

На земле сидело существо, больше всего похожее на странную помесь кузнечика, стрекозы и козла. Да-да. Ноги у этого маленького существа были как у кузнечика, голова и туловище козлиные, а прозрачные сетчатые крылья достались в наследство от крупной стрекозы. Все туловище раскрашено желто-черными полосами. Одним словом, возле моих ног сидел не кто иной, как самый настоящий сказочный стрекозел. Размерами существо было не больше ладони.

— Ну, долго ты еще будешь на меня глазеть? — раздался тот же самый голос.

Только тогда я заметил, что на шее стрекозла сидит человек размером с мой мизинец. Золотые кудряшки, плаксивые черты лица, бархатный лиловый костюмчик, маленький лук. На меня это существо смотрело с изрядной долей раздражения.

— Флини! — ахнул я.

— Какая пронизательность, выпей мою кровь лесные духи! Ты всегда такой умный или только по утрам? Быстро веди меня к эльфийке!

— Какой эльфийке? — опешил я от наглости мелюзги.

Стрекозел взмыл в воздух и завис передо мной, мельтеша крыльями. Флини на его шее неприязненно смотрел на меня:

— Все дылды такие тупые или ты один несчастный на мою голову выискался? Треш Миралисса из дома Черной луны. Знаешь такую?!

— Да...

— Так не спи и проводи меня к ней, идиот! — заорал малыш.

— Что за шум? — К нам незаметно подошел Кли-кли. — А, флини приперся!

— Я тебе покажу «приперся», зеленый! — возмутился тот.

— Зеленый, говоришь? — Кли-кли опасно прищурился. — А ну заткнись, мелочь золотоволосая, иначе худо будет!

— Да ладно, что ты взъелся? — сразу пошел на попятную флини.— Я же знакомлюсь!

— Вот и познакомились. Так зачем ты приперся? — Кли-кли специально выделил последнее слово, но флини сделал вид, что не услышал оскорбления, и пропел:

— Сообщение. Информация. Новости.

— Так иди и передавай, вон эльфы уже встали!

— Нужно, чтобы меня представили, сам знаешь обычаи.— Флини недовольно скривился, будто ему в рот напихали кислого крыжовника.

— Да уж знаю,— вздохнул Кли-кли.— Все вы стрекозным молоком мазаны! Идем, что ли?

Стрекозел загудел крыльями и полетел рядом с плечом гоблина. Я шествовал за ними в качестве почетного эскорта.

— Леди Миралисса, позвольте представить вам флини... как тебя там, мелкий?

— Аарроо г'наа Шпок из ветви Хрустальной Росы, дубина,— прошипел, растягивая губы в улыбке, флини.

— Аарроо г'наа Шпока из ветви Хрустальной Капли...

— Росы, бестолочь! — раздраженно зашипел флини.

— Да какая разница? — Кли-кли отмахнулся от гудящего над ухом стрекозла. Но все же исправился и сказал: — Из ветви Хрустальной Росы.

— Я рада приветствовать брата из маленького народа возле своего костра. Что привело тебя сюда, Аарроо г'наа Шпок из ветви Хрустальной Росы? — приветливо кивнула Миралисса.

— Сообщение. Информация. Новости,— ответил церемониальной фразой Аарроо и посадил стрекозла на землю.

— Ты специально искал меня или твои знания для любого темного?

— Специально. Глава дома Черной луны послал нескольких моих братьев, чтобы они искали вас, треш Миралисса, но посчастливилось только мне. А все оттого, что я могу думать!

— Везет достойным,— серьезно ответила маленькому хвостуну эльфийка.— Не желаешь отведать нашей пищи и выпить нашего вина?

— Охотно,— крикнул Аарроо и в предвкушении скорого пиршества потер маленькие ручки.

Эграсса уже позаботился о еде, и перед довольным флини появилась махонькая золотая тарелочка с кашей, приготовленной Халласом, и махонький кубок с душистым вином. Видать, эльф таскает эти миниатюрные вещицы специально для маленьких говорунов, путешествующих на стрекозлах.

Я тронул Кли-кли за локоть и отвел в сторону, чтобы, не дай Сагот, флини не услышал нашего разговора.

—Чего с этой мелюзгой так носятся? Не проще ли было вначале узнать, зачем он к нам пришел, а затем уже кормить?

— Ох, Гаррет, — огорченно цокнул языком гоблин. — Конечно, не проще! Это же флини! Им не надо прощать грубости, иначе эти летуны, сующие нос куда ни попадя, сядут тебе на шею, но и древние обычаи не стоит вот так просто нарушать. Было бы что-нибудь срочное или опасное, он бы нам обязательно сообщил, а раз дело терпит, то стоит придерживаться их дурацких правил. Сейчас слопает кашу и сам все расскажет. Ты лучше скажи спасибо, что его послали к нам с сообщением, иначе едой бы мы не отделались. Вольные флини обычно берут за информацию чем-нибудь более существенным, чем набитый живот. Давай вернемся, я хочу послушать, что скажет этот пустобрех.

Флини почти закончил трапезу. Ел этот мелкий парень со скоростью оголодавшего великана. Стрекозел заглядывал в тарелку через плечо хозяина и тоненько, просяще мекал. Больше всего это меканье походило на писк несчастной тонущей мышки. Аарроо как-его-там в который раз раздраженно отпихнул морду стрекозла в сторону.

— У вас больше ничего не осталось в том здоро-о-овом котелке? А то Флолидаль не отстанет от вас, пока его не накормят, — ворчливо проговорил флини, отхлебывая вино из кубка.

Эграсса взял деревянную ложку, зачерпнул из котелка, и стрекозел, загудев крыльями, упал на ложку с едой, словно голодный коршун на курицу.

Тем временем проснулся Халлас. Гном зевнул, увидел завтракающего флини, захлопнул рот, да так, что клацнули зубы, и принялся отчаянно протирать глаза. После этой поспешной процедуры Халлас вновь посмотрел на Аарроо, но тот, как и следовало ожидать, никуда не делся и, хмуро покосившись на удивленного Халласа, продолжал жевать.

— Странно,— задумчиво изрек гном и толкнул спящего Делера локтем в бок.— Эй, шляпа! Вроде мы вчера ничего не пили. Какого ж хрена мне мерещатся маленькие человечки?

Делер проснулся, покосился на Аарроо и изрек:

— Это флини, дятел бородатый!

— Какой, к Неназываемому, флини, Делер?! Флини только в сказках живут и не поедают кашу моего собственного приготовления!

— Гномы еще хуже людей,— недовольно изрек Аарроо, по всей видимости обращаясь ко всем присутствующим на поляне.— Что до каши, милейший, то только из уважения к почтенной треш Миралиссе я не кидаю это варево вам в бороду. В жизни не пробовал такой премерззопакостной дряни!

Гном поперхнулся от такой наглости и не нашелся что ответить.

— Ну что же.— Отдуваясь, флини отодвинул от себя тарелку.— Все законы соблюдены.

Аарроо свистнул, подозвал к себе стрекозла, залез к нему на шею, сделал над нами круг и, зависнув в воздухе, нараспев произнес:

— Сообщение. Треш Эдданрасса, глава дома Черной луны, шлет своей дочери Миралиссе привет и скорбное сообщение. Треш Эдонтасса погиб в стычке с кланом Кровавых топоров. Там же погиб треш Эпелласса. Теперь треш Миралисса становится третьей в очереди за лиственной короной. Впереди только треш Меленасса и треш Эпилорсса. Треш Эдданрасса просит свою дочь как можно скорее вернуться домой, оставив все остальные дела. Сообщение завершено. Будете ли вы передавать ответ?

— Как это случилось? — резко спросила Миралисса.

— Сообщение завершено. Будете ли вы передавать ответ? — упрямо гнул свое флини.

— Ответ. Пока не завершится дело, которое доверил мне объединенный совет Домов в прошлом году, я домой не вернусь.

— Услышано,— важно кивнул флини, и стрекозел сделал над нами еще один круг.

— Прямо как стрекоза,— завистливо присвистнул Мумр, следя за полетом волшебного существа.

— Информация. Бесплатно,— между тем пропел флини и скривил рожицу. Видно, бесплатно он делать ничего не лю-

бил.— Из Красного урочища, что за городом Чу, исчезли все птицы. А также кабаны, лоси, медведи, волки и почти все лесные духи.

— Почему? — коротко спросил Эграсса.

— Кабы я знал, информация не была бы бесплатной,— раздраженно ответил Аарроо.— Мне об этом сказал дух большого пня, что живет в трех лигах пути от этого места. Он сам ничего не знал, но в последнее время маленькие жители стараются держаться подальше от тех мест. И молчат, будто воды в рот набрали.

— Глупая информация.— Халлас в раздражении дернул себя за бороду.

— Какова каша, такова и информация! — обозлился флини, и его стрекозел гневно зажужжал.— Если гном будет дразниться, узнавайте новости от кого-нибудь другого! Пусть этот бородатый вам их и рассказывает!

— Заткнись, Халлас,— тут же сказал Угорь.

— Прошу простить моего слугу, почтенный Аарроо г'наа Шпок из ветви Хрустальной Росы,— примиряюще произнесла Миралисса.

— Слугу? — беззвучно спросили губы гнома.

Делер показал Халласу кулак. Гном стал красным, как раскаленный лист металла в горне у кузнеца, но не произнес ни слова.

—Так-то лучше,— довольно ухмыльнулся флини, и стрекозел сделал над нашими головами третий круг.

— Мы будем проходить через это урочище, леди Миралисса? — между тем задал вопрос Алистан Маркауз.

— К сожалению, да. Это самый короткий путь.

— Но есть и другие? — выделяя каждое слово, уточнил граф.

—Есть, но если мы пойдем через Красное урочище, то окажемся у Костяных дворцов уже к завтрашнему вечеру. На обходном пути мы потеряем пять-шесть дней. Да и дорога будет пролегать прямо по границе с обжитыми землями орков. Это слишком опасно.

— Не опаснее, чем место, из которого исчезли все лесные духи,— не согласился с кузиной Эграсса.

— Мы рискнем,— Эльфийка сверкнула глазами.

—Ты старше в роду, тебе и решать.— Эльф поднял руки вверх, показывая, что не собирается с ней спорить.

— Новости.— Флини дождался окончания разговора и пропел:

— Целых три штуки. Цена первой новости — пляска этого упрямого гнома.

—Что? — взревел Халлас.— Гномы ни для кого не танцуют!

— Значит, мне повезло вдвойне! — злорадно заржал флини.— Хотите узнать первую новость, пусть гном танцует. Не хотите — я полетел. С порученным заданием я уже справился и общаюсь с вами только из чистой любезности.

— Ах ты, маленькая...— Гном вскочил и сжал кулаки.— Да я тебя вместе с твоим жужжащим вонючим козлом сейчас так пну!

— Он будет танцевать,— твердо сказал Алистан Маркауз.

— Что?! Да чтобы я...

— Это приказ, воин! Танцуй! — В голосе капитана гвардии звенела сталь.

—Танцуй, дружище.— Делер успокаивающе положил руку на плечо гнома.— Ну, подумаешь — танец для флини. Представь, что ты танцуешь для меня.

Это решило дело. Гном презрительно фыркнул:

—Чтобы гном танцевал для карлика? Я быстрее для флини станцую!

И станцевал. Вроде это был какой-то военный танец гномов. Во всяком случае, Халлас плясал с боевой мотыгой в руках, да и пляска больше напоминала бой, а не праздничный танец. Пожалуй, Золотой лес еще не видывал такого представления. Фонарщик наигрывал на дудке, помогая гному. Кли-кли весело хлопал в ладоши, Делер старался не лопнуть со смеху.

— Все! — сказал запыхавшийся гном.

— Вы, гномы, танцуете еще хуже, чем готовите,— безжалостно изрек флини.

Делер вовремя успел схватить Халласа и оттащил в сторону от греха подальше.

— Как насчет новости? — Миралисса, несмотря ни на что, старалась быть вежливой.

— Новость. В Золотом лесу видели людей. Они опережают вас на два дня. Больше двух десятков. Все вооружены. Одна женщина. Гербов на одежде не видел.

— Куда они направились?

— Шли к Красному урочищу. Два дня назад оно еще было спокойно.

— Готов прозакладывать душу, что это Балистан Паргайд со своими людьми,— нахмурился милорд Алистан.

— И Лафреса. Они будут возле входа намного раньше нас,— шмыгнул носом Кли-кли.

— Они оплошали с Ключом и решили устроить нам засаду у входа?

— Может быть, Гаррет, а может, и нет...— В глазах эльфийки застыло беспокойство.— Они могли рискнуть и попытаться взять самый сладкий кусок.

— Рог?

— Да. Если ты кому-нибудь расскажешь про наш разговор, я найду тебя,— обратилась эльфийка к флини.

— Да уж понимаю, в эльфийские тайны лучше не лезть. Буду нем как могила,— недовольно буркнул флини.

— Никто из людей не был ранен? — спросил я у него.

— У одного не было левой кисти.

— Это они.

Ну, раз нет кисти, то это точно Бледный. Этот гад давно охотится за мной, а во время последней попытки отправить меня в свет Халлас отрубил ему левую кисть. Бледный работает на Влиятельного, или, как его называют слуги Хозяина,— Игрока. Игрок — какая-то большая шишка в Авендуме, и именно благодаря его «заботе» я едва не распрощался с жизнью. На данный момент Бледный состоит в свите Балистана Паргайда.

Граф Балистан Паргайд, если кто не знает, слуга Хозяина, и именно из его дома в Ранненге я спер Ключ, благодаря которому мы и надеемся проникнуть в самое сердце Храд Спайна. Этот самый Ключ Лафреса должна была самолично доставить Хозяину, а тут приключилась неприятность, имя которой Гаррет. Ключ я украл, но Балистан Паргайд вместе со своими людьми и Лафресой бросился за нами в погоню.

Пока нам как-то удавалось водить их за нос, и им даже не помог судебный поединок. Мумр почикал бойца милорда Паргайда в капусту, а потом как-то все разом стихло. Балистан Паргайд с братией исчез. Мы даже головы ломали, решая, куда он делся. Разгадка пришла вместе с флини. Во время судебного поединка куда-то пропала Лафреса, а оказалось, что она сразу направилась к Храд Спайну, а по дороге

ее догнал граф. Понятное дело, Лафреса не боится войти в Заграбу (видать, надеется, что знание шаманства ее спасет). Да и выбора у нее просто нет: артефакт потерян и Посланик, поручивший ей доставить Ключ, очень расстроится, не говоря уже о Хозяине.

— Какова вторая новость? — Эграсса посмотрел на флини.

— Цена второй новости — щепотка сахара.

— У нас нет сахара,— злобно сказал Халлас.— Мы не кондитеры. Может, мне еще раз перед тобой станцевать?

Последние слова гнома прозвучали с вызовом.

— Нет уж! Второй раз мое сердце такого зрелища не выдержит! Что у вас есть на обмен?

Мы переглянулись. Тьма знает, что может заинтересовать носителя новостей.

— У меня есть конфета! — неожиданно воскликнул Кли-кли.

— Покажи,— подался вперед Аарроо.

Кли-кли торопливо порылся в многочисленных кармашках своей одежды и выудил оттуда изрядно помятую, но завернутую в яркую золотистую бумагу конфету. Видать, записка еще с Авендума.

Флини внимательно изучил ее и со скучающей рожей, будто он делал нам вселенское одолжение, изрек:

— Дрянь, конечно, но сойдет. Бросай на землю.

По-моему, он ломался, конфета ему понравилась. Флини опустил стрекозла прямо на брошенную конфету и стал привязывать ее к брюху своего ездового зверя.

— Новость. В Золотом лесу видели человека. Одет в серый плащ, лица не разглядели. Вооружен копьем. Идет быстро, почти не задерживаясь. В четырех часах полета от вас. Идет прямо сюда. Золотой лес на этой неделе будто медом намазан, все так и прут. Давно я не видал столько чужаков. Ах да! Связываться с ним не советую, древесные духи говорят, что он воин.

— Мы тоже не сапожники,— возмутился Делер.

— Когда древесные духи говорят, что человек воин, мы обычно к этому прислушиваемся, но дело ваше. Цена третьей новости — перстень вон того дылды с длинными усами,— флини кивнул на Алистана Маркауза.

— Какой? — уточнил граф.

— Ну уж точно не серебряный с твоим гербом, — съязвил маленький вымогатель. — Вы, люди, слишком щепетильны в отношении этих родовых побрякушек. Просить их — большая глупость, все равно не отдадите. Мне по нраву вон тот, с красным рубином.

Алистан без всяких возражений снял с пальца перстень и положил его на землю. Флини довольно улыбнулся, и перстень, как и конфета, оказался под брюхом стрекозла.

— Стоит ли этого твоя новость? — спросил я.

— Это уже вам решать, а не мне. Новость. Орки близко.

— Где? — Эграсса потянулся за луком.

— В развалинах города Чу. Их шестеро. Обычные разведчики. Вас не ждут. Просидят там еще дней пять.

— Откуда ты знаешь?

— Слышал, — заухмылялся флини. — Один из них попал в ловушку и пробил себе ногу, сейчас он в бреду, так что боеспособны только пятеро. Можете прикончить их, можете обойти.

— Мы примем к сведению твою информацию. Это все?

— Да, новостей больше нет, прощайте.

Стрекозел, гудя, поднялся в воздух и, касаясь брюхом ромашек, полетел к лесу. Нагружен зверек был отменно, я вообще удивляюсь, как ему удалось взлететь с таким весом.

— Флини очень любят разные перстни и кольца, — просветил меня Кли-кли.

— Учту.

— Мерзкая сволочь! — Халлас проводил улетевшего флини злым взглядом.

— Что ты хочешь от флини? — делано удивился Кли-кли. — Они зарабатывают тем, что разносят новости.

— А не продаст ли он нас тому же отряду орков? Думаю, у Первых найдется чем расплатиться за информацию о нашем местонахождении. Я не доверяю этим мелким.

— Он бы сделал это, если бы Первые стали с ним разговаривать. Но они флини ни во что не ставят, а те чересчур горды, чтобы терпеть к себе такое отношение.

— Собираемся! — Эграсса поднялся с земли. — У нас еще целый день до темноты и ночь в запасе. Сегодня мы должны пройти как можно больше.

— Что будем делать с орками?

Вопрос Мумра не праздный, где-то впереди Первые, пускай они нас и не ждут.

— Убьем.— Эграсса посмотрел на Миралиссу, и та кивнула.— Их всего пятеро. Конечно, можно обойти, но негоже оставлять у себя за спиной врагов.

— А что делать с тем парнем, что идет за нами? Давайте мы с Делером задержимся и зададим ему парочку вопросов!

— Халлас, у тебя ни ума, ни фантазии! — Карлик в разговоре с напарником не церемонился.— Тебе бы только мотыгой помахать! Флини же сказал, что тот тип опасен и от него следует держаться как можно дальше! И даже победив его, как мы потом найдем отряд, ты подумал? Или гномы с сегодняшнего утра способны бродить по лесам и не плутать?

— Это не сложнее, чем ходить по штольням,— буркнул Халлас.

— А я не хочу заблудиться в лесу и в один прекрасный день выйти к орочьему жилью,— отрезал Делер.

— Никто здесь не останется,— прервал спор гнома и карлика милорд Алистан.— Если этот человек хочет идти за нами, пусть идет. Если догонит и нападет, мы дадим ему бой. Меня больше заботит поджидающий нас возле Храд Спайна Балистан Паргайд с псами и это урочище.

— О Балистане мы позаботимся, когда доберемся до него, милорд.— Угорь уже собрал мешок.

— Урочища тоже не стоит так уж сильно опасаться.— Миралисса закинула с'каш себе за спину.— Лесные духи могли уйти из него по сотне причин. Будем надеяться на лучшее.

— И ожидать худшего,— тихонько буркнул я, но эльфийка, по-моему, все же меня услышала.

— Кли-кли,— голос Делера был очень тихим, но взгляд карлика не предвещал гоблину ничего хорошего.— Что ты сделал с моей шляпой?

Гоблин счел за лучшее спрятаться за моей спиной. Всегда так — напроказничает, а отдуваться Гаррету.

Глава 2

КРАСНОЕ УРОЧИЩЕ

— Что здесь было раньше, Кли-кли?

— Сам, что ли, не видишь по развалинам? Город, конечно!

Мы с гоблином лежали, спрятавшись за грудой серых камней, изрядно поросших мхом. Рядом возвышалась высокая ребристая колонна из точно такого же камня и точно так же, как и весь город Чу, заросшая темным густым мхом.

Меж стволов златолистов и лиственниц возвышались руины древнего города. Здесь колонна, там стена, чуть дальше, возле кустов волчьей ягоды, арка с древними рунами, еще дальше — огромное здание с провалившимся куполом. И так покуда глаз хватало. Развалины вырастали прямо из мягкого ковра мха, тонули в нем, задыхались в зарослях папоротника и остролиста, погибали под корнями могучих златолистов. Наверное, когда-то этот город был велик и прекрасен, но от бывшего величия остались лишь призраки прошлого. Сейчас это был всего лишь мертвый камень, изъеденный молью времен.

— Понимаю, что не деревня. Кто тут жил?

— А я откуда знаю? — Шут пожал плечами. — Эти руины помнят исход огров в Безлюдные земли и приход на Сиалу орков и эльфов. Не мне знать, кто жил в нем в те времена. Но поверь мне, Чу очень красив. Ну или был очень красив.

— Ты и здесь успел побывать?

— Нет, конечно. Просто Чу — не единственный заброшенный город в Заграбе. Возле того места, где живет мое племя, есть еще один, он очень похож на этот. Мы называли его город Бу. Он сохранился намного лучше Чу.

Вечерело, солнце уходило за горизонт, и уже не все лучи могли пробиться сквозь ветви деревьев. В лесу становилось сумрачно. Я подвинул миниатюрный арбалет к себе поближе и в сотый раз проверил, заряжен ли он.

К моей глубокой радости и к вящему неудовольствию Кли-кли, Алистан Маркауз оставил нас здесь, пока остальные не расправятся с орками.

Ну и правильно! Вор и шут не созданы для драк и сражений. Гоблин на этот счет был иного мнения, но после недовольного ворчания все же решил остаться со мной.

— Кра-а-а! Кра-а-а! Кур-ра-ра!

Крик птицы тоскливым призраком разнесся над развалинами, отражаясь от стен и бередя покой заброшенного места. На миг на верхушке покосившейся колонны-шпиля и на стволах деревьев блеснул голубоватый отблеск заклятия, со-

творенного в двух сотнях ярдов отсюда. Блеснул и пропал, уступив место уже привычной тишине мертвого города.

— Началось,— сказал Кли-кли, приподнимаясь.— Это работа Миралиссы.

— Я ничего не слышу.

— Это к лучшему. Значит, не слышат и другие. Будем ждать.

И мы ждали. Минуты тянулись бесконечно долго.

Плотный густой ковер мха заглушал шаги, и мы услышали бегущего, только когда между нами оказалось не больше десяти ярдов. Кли-кли преобильно ущипнул меня за руку и кивнул в сторону колонны. Поначалу я принял бегущего за Эграссу. Вот только отчего у эльфа в руках не привычный с'каш, а ятаган?

Конечно же это был не эльф, а орк. Две расы слишком похожи друг на друга, чтобы в первые секунды их можно было различить. Первый бежал прочь из города, постоянно озираясь по сторонам. Мы лежали за камнями, и орк не мог нас видеть, хоть на этом спасибо Саготу.

— Чего ты ждешь? Уйдет ведь,— просипел Кли-кли, снимая с пояса первую пару метательных ножей.

Шут прав: если Первый скроется и избежит смерти, он предупредит своих, и тогда плакали наши головы. Расстояние до врага не ахти какое, и, чтобы промазать, надо было очень постараться.

Щелк!

Болт без труда пробил легкую кольчугу и застрял в спине орка. Тот споткнулся и рухнул лицом в мох. Никаких угрызений совести о том, что стреляю в спину убегающему, я не испытывал. Будь у него возможность и время, он бы без всяких раздумий попытался прикончить и меня и Кли-кли.

— Ты его убил? — Кли-кли испуганно жался ко мне.

— Вроде как,— неуверенно сказал я, не торопясь убирать арбалет.

— Вот в том-то и дело, что вроде как. Ему хватит ума притвориться! — Гоблин не спешил приближаться к телу.

— Кли-кли, у него в спине болт, который вошел туда чуть ли не по самое оперение. Как он может быть жив?

— Я бы все равно не стал к нему подходить,— предупредил меня тот.

Страх и сомнения всегда заразительны. Теперь и я смотрел на недвижимого орка с должной опаской. А вдруг гоблин прав и Первый всего лишь строит из себя покойника? Во всяком случае, ятаган до сих пор у него в руке.

— Хорошо,— вздохнул я.— Учти, я это делаю лишь для твоего успокоения.

Пришлось приблизиться к телу на несколько шагов и всадить в спину орка второй болт. Парень в ответ на такой неприкрытый садизм даже не дернулся.

— Ну, теперь ты убедился, что он мертвее камня?

— Почти что.— Шут осторожненько подошел к телу и ткнул мертвеца носком сапога.— Слава богам, ты его прикончил.

— Не такие уж они и страшные, да и умирают не хуже людей.

— Если застать их врасплох.— Голос Эграссы заставил меня резко обернуться и вскинуть арбалет.

— Бесполезно, Гаррет. Будь на моем месте орк, ты был бы уже мертв. К тому же арбалет у тебя разряжен. Что тут у вас?

— Орк, один из тех, кого вы должны были убить. Гаррет его подстрелил, но заметил Первого я,— затараторил Кли-кли, не собираясь приписывать всю победу мне.

— Нет, Кли-кли, этот не из тех.— Эльф перевернул тело и склонился над орком, бесстрастно изучая лицо мертвеца.— Миралисса наложила на них Сеть Недвижимости, и мы смогли расправиться со всеми, они даже пикнуть не успели. Четверо возле костра, еще один рядом с раненым, итого пятеро, не считая раненого. Мы прикончили всех.

— Тогда откуда взялся этот? Или сей орк — плод моего больного воображения? — недовольно пробурчал гоблин.

— Просто ваш мерзкий флини не посчитал нужным сообщить о седьмом.

Из-за стены появился Халлас.

— Я с самого начала говорил, что не следует доверять этой летающей сволочи!

— Где был седьмой, мог быть и восьмой,— задумчиво сказал Эграсса.

— А также девятый и десятый.— Гоблин не преминул насыпать соли на рану.

— Идемте к остальным, там решим, что делать дальше.

Мы пошли за эльфом, позади сопел Халлас. Эграсса уверенно вел нас через лабиринт заросших развалин. Везде властвовала разруха и упадок, но вместе с тем это место было... пожалуй, красиво. Красиво своей непонятной, загадочной красотой тысячелетий.

Колонны высились наравне с златолистами или лежали разбитые и заросшие мхом. По стенам некогда величавых зданий вился плющ. Статуя на постаменте, такая древняя, что нельзя было рассмотреть, кто перед тобой — человек, орк или кто-то другой, живший на Сиале еще до начала Седой эпохи.

В четверке орков, лежавших возле едва горевшего костра, стрел было наткано больше, чем требовалось, — Миралисса и Эграсса постарались на славу. Чуть поодаль, под старой лиственницей, лежали еще два мертвеца.

Эграсса кратко рассказал милорду Алистану про орка, которого я укокошил.

— Флини мог не увидеть его, если Первый сидел в секрете. — Миралисса задумчиво теребила рукав темно-зеленой куртки.

— Он просто не захотел увидеть, миледи. — Халлас все еще не мог забыть пляску для маленького распространителя новостей.

— Халлас, Делер, Мумр, Угорь! Разделитесь на пары и найдите, где скрывался этот седьмой.

Угорь кивнул за всех, и Дикие скрылись меж развалин.

— Через час полностью стемнеет. — Милорд Алистан, прищурившись, посмотрел на небо. — Останемся здесь или продолжим путь?

— Все зависит от того, что найдут наши воины, — устало ответила Миралисса, — но я за то, чтобы идти. Сейчас полнолуние, света достаточно, до утра можем свободно идти, а дальше отдых — и мы у Храд Спайна.

— Я тоже считаю, что мы не должны останавливаться сейчас, кузина. Преодолеем Красное урочище, и тогда уже можно будет отдохнуть.

— Гаррет, пошли глянем на покойников, — позвал меня Кли-кли.

— Я мертвецами не интересуюсь.

— Ну и зря!

Пока гоблин бродил среди трупов, я перезарядил арбалет, уложив в него два новых болта.

— Мастерски сработано, леди Миралисса. В лучших традициях Зеленого Вздоха! Я оценил,— сказал эльфийке вернувшийся Кли-кли.

— Ну раз даже ты оценил мою работу...— усмехнулась она.

— Нет, я серьезно. Кидаем Сеть Недвижимости, затем у нас пяток секунд, чтобы нашпиговать их стрелами. Думаю, даже когда Сеть лопнула, оставшиеся двое так ничего и не поняли и их легко зарубили. Кто прикончил раненого?

— Делер,— ответил Алистан Маркауз.— Ты-то откуда знаешь о работе диверсионных отрядов эльфов?

— Я вообще полиглот,— ни к селу ни к городу гордо ответил Кли-кли.

— Поля апосля глотать будешь.— Делер слышал лишь последнюю фразу шута.— Убираться надо, милорд Алистан. Упустили мы одного.

— Ушел. Двое их было. Там, дальше, что-то вроде колодца. В нем они и сидели. Один, к несчастью для себя, вышел на Гаррета, другой ушел на юго-запад. Целым, милорд. Я попробовал догнать, но мох почти не сохраняет следы.— Лицо Угря было хмурым.— Да и не следопыт я. Сюда бы Кота, да пребудет он в свете...

— Что они делали в колодце? — спросил Алистан Маркауз, и Мумр молча протянул ему обрывок какой-то ткани.— Человек?

— Да, милорд, он мертв, да и лицо у него все исполосовано, но я его по одежке узнал,— кивнул Фонарщик,— этот парень был среди людей Балистана Паргайда во время поединка.

— Все ясно. Орки теперь знают, что в Золотом лесу чужаки, и этого беглеца мы уже не догоним,— огорчилась Миралисса.— Надо поскорее уходить из города, пока не подоспели Первые. Единственный шанс — добраться до спуска в Храд Спайн быстрее, чем нас нагонят.

— Вы намереваетесь укрыться от них в Костяных дворах, миледи?

— Это не обязательно. Первые — не дураки. После того как на нижних уровнях могильников пробудилось зло, они обходят это место за лигу. Ничто, даже близость эльфов, не

заставит орков совершить глупость и приблизиться к Восточным воротам Костяных дворцов.

— Тогда не будем задерживаться.— Маркауз кивнул Эграссе, чтобы он двигался вперед, указывая нам дорогу.

И отряд ушел в ночь.

Ночью в лесу темнеет быстро и в то же время очень незаметно. Только что из-под ног выбегала узкая, едва различимая тропка, а через минуту она уже скрылась во тьме.

Деревья, ветви, кустарники растворяются в обволакивающей паутине ночи, от них остаются одни воспоминания (мол, там была сосна, а вот там, где сейчас чернильный мрак, рос старенький клен), и только если поднять глаза к небу, можно увидеть силуэты переплетенных между собой ветвей, загромождающих высыпающий на небе горох звезд.

Несколько долгих и очень томительных секунд ты едва плетешься, до боли напрягаешь глаза, чтобы хоть что-то увидеть в крошечном мраке. Затем нехотя из-за пазухи богов выкатывается полная луна.

Она похожа на темно-желтый круг исилийского сыра, она толста, и ее поверхность, как и сыр, изрезана темными дырами и морщинами. Луна рождает свет, отдает его ночной земле, и столбы лунного дара заливают спящий лес, играют меж ветвей и стволов дремлющих златолистов, отражают мать-луну в сонно шепчущем ручейке, танцуют на полях зарождающегося ночного тумана, что белыми струйками поднимается изо мха и тянется вверх. С лунным светом лес становится прекрасным и волшебным, словно из детской сказки. Луна преобразила руины древнего города Чу.

Свет падал на изгрызенные зубами времени лица безымянных идолов, придавал им подобие жизни, волновал воображение.

У-у-ух-ху-ху-у-у! Уханье то ли совы, то ли еще какой птицы густыми волнами расплывается по столбам лунного света, отражается от лиственниц, златолистов и стен мертвых зданий.

Весь мир, вся Заграба сейчас дышат серебряными нитями, струящимися из веретена полной луны. Светло как днем, и лишь звезды недовольны проснувшейся луной. Они потускнели и даже отползли подальше от земли, чтобы не попасть под магию ночного светила.

Отряд шел ходко, и идолы города Чу, с укором смотрящие нам в спину, остались далеко позади. Тропка петляла, то появлялась, то вновь исчезала в придорожных зарослях кустарника. Спустя час она совсем исчезла, и нам пришлось продирааться сквозь густой ельник.

Лохматые и колючие лапы норовили стегнуть по физиономии, приходилось закрываться руками и сгибаться в три погибели. Пока я лазил по этим колючим и не очень-то гостеприимным зарослям, успел проклясть все на свете. Мумр, идущий сейчас впереди меня, ругался на чем свет стоит. Угорь слишком быстро отпустил ветку, и еловая лапа стегнула Фонарщика по лицу. Вот уж не знаю, один ли я вздохнул с облегчением, когда меж елок вновь появилась тропка.

Она пошла под уклон, еловый лес сменился лиственным. Сейчас мы топали по низким холмам, заросшим кленами и кустами цветущего краснобровника. Наверное, при солнечном свете маленькие красненькие цветочки на кустах казались капельками крови, сейчас же они, впрочем, как и весь лес, были насыщены серебром луны.

Мы прошли по берегу озера, в черной воде которого отражались луна и звезды, поднялись на очередной холм, спустились, перепрыгивая через спешащий по неотложным делам ручеек. Краснобровника здесь оказалось намного больше, чем возле озера, он рос везде, куда падал взгляд, вытесняя другие кусты и даже деревья.

— Смотри-ка, один все же остался, — пробурчал за моей спиной Кли-кли.

— Ты о чем? — полюбопытствовал я.

— Да вон, меж веток лесной дух. Видишь, глазки сияют? А флини говорил, что они ушли из Красного урочища.

— Так мы что, уже идем через Красное урочище?

— А где мы, по-твоему? На улице Искр, что ли? — ядовито отозвался Кли-кли. — Ясное дело, что в Красном урочище.

— Не больно-то оно красное, опять ты что-то путаешь, Кли-кли, — недоверчиво хмыкнул Фонарщик.

— Раскрой глаза, Мумр, сейчас же ночь! А днем, да еще в начале сентября, здесь все красно от цветов краснобровника.

— Да и на урочище это место никак не тянет, — поддержал я Фонарщика.

— Дураки! — надулся шут и перестал с нами разговаривать.

Гоблин сегодняшней ночью был не в настроении. По-моему, он слишком сильно нервничал.

Я же ничего такого не чувствовал, да и Вальдер молчал. Правда, он молчит с тех пор, как я увидел сон о тюрьме Хозяина. Может, наконец мертвый архимаг оставил меня в покое и убрался восвояси? Ха! Надежда на такой исход небольшая.

Кто такой Вальдер? Я вроде уже говорил. Вальдер — это такой волшебник, к сожалению умерший из-за Рога Радуги несколько веков тому назад, но вселившийся мне в голову. Ладно, это длинная история, может, когда-нибудь напишу мемуары, тогда и узнаете все подробности.

Тропинка шуршала под ногами, спина Фонарщика маячила впереди меня. Шаг, шаг, еще шаг. Сколько сотен шагов я сделал с тех пор, как мы покинули развалины города Чу?

Ночь давно перевалила за середину, звезды плыли по небу, а луна светила все ярче и ярче. Весь лес был захвачен красновобровником, росшим чуть ли не под каждым златолистом. Казалось, этим проклятым кустам не будет ни конца ни края. Но больше всего надоел кисловатый запах, исходящий цветущими кустами. Он настырно лез в нос, и по прошествии полутора часов от него раскалывалась голова и зверски хотелось чихать.

Чем глубже мы уходили в Красное урочище, тем напряженнее становилась тишина. Не стало слышно привычного шепота ветра, шелеста ветвей, криков ночных птиц и звуков ночных насекомых. Ни светлячка... да и лесных духов больше видно не было. Лишь звуки наших шагов тихим шуршанием плыли в ночи.

Лес, казалось, вымер, тишина давила и вызывала смутную тревогу. Даже лунный свет стал неживым, он заливал всю округу мертвенно-бледной дланью.

Сзади послышался тихий шелест оружия, извлекаемого из ножен. Я обернулся. Милорд Алистан шел с обнаженным мечом, лицо у графа было хмурым и встревоженным.

— Не нр-р-равит-тс-ся мне эта тишина,— растягивая слова, брякнул Кли-кли, беспокойно озираясь по сторонам.

— Она еще никого не убивала.

— Не скажи, Гаррет, очень даже убивала,— ответил наш всезнайка.

В следующие полчаса мы не сказали друг другу ни слова. Все вслушивались в разлившееся молчание, надеясь уловить хоть какой-то звук, кроме шороха наших шагов.

Так всегда бывает. Никогда не обращаешь внимания на посторонние звуки. Всегда принимаешь их как само собой разумеющееся. Там птичка чирикает, там сверчок трещит, здесь листочки шелестят. Но как только привычные уху звуки исчезают, ты понимаешь, как тебе не хватает всех этих посторонних и временами ненужных треньканий и пиликаний.

— Приехали, — прошипел сквозь стиснутые зубы Халлас и крепче сжал боевую мотыгу.

Тропинка упиралась в мост, казавшийся таким же старым, как и Чу. Нисколько не удивлюсь, если его построили одни и те же мастера. Но, в отличие от города, мост оказался целым.

Каменный, тридцать ярдов в длину и два ярда в ширину. По нему вполне могли пройти сразу два человека. По бокам тянулись высокие, в пол человеческого роста, прямоугольные барьеры, заменяющие перила. Через каждые пять ярдов из перил вырастали колонны и поднимались на высоту двух человеческих ростов. Наверное, раньше они были тем, что держало крышу (сейчас не существующую). А может, никакой крыши никогда и не было и колонны создавались просто для красоты.

Мост связывал две стороны то ли оврага, то ли ущелья. Уж не знаю, как это называлось, но обрывистые берега резко уходили в темноту и в поднимающийся с невидимого сейчас дна серебристый туман.

— Вот и сердце урочища, — сообщил нам Кли-кли.

— Нам через него? Что-то он не вызывает у меня особого доверия.

— Не беспокойтесь, милорд Алистан, мост крепче скалы и простоял здесь не одно тысячелетие, — успокоила капитана гвардии Миралисса. — Не будем медлить.

— Пойдите. — Угорь поднял руку и внимательно осмотрел противоположную сторону урочища. — Леди Миралисса, Эграсса, возьмите луки, а мы с Делером перейдем на ту сторону.

— Угорь прав, если там засада, то нас всех почикают на мосту, словно жирных перепелок, — поддержал гарракца карлик, меняя любимую шляпу на шлем.

— Хорошо,— скупо кивнул Алистан Маркауз.— Идите.

Карлик бежал впереди, лезвия его секиры грозно сверкали в лунном свете. Эграсса и Миралисса стояли с натянутыми луками. Воины перебежали мост и скрылись в кустах красnobровника.

Я стал про себя считать. Когда счет дошел до шестнадцати, появился Угорь и махнул нам рукой. Настал наш черед. На этой стороне остался только Эграсса со все так же натянутым луком и Фонарщик, прикрывающий эльфа от возможной опасности с тыла.

— Здесь глубоко? — спросил я у гоблина на середине моста.

— Я тут впервые, так же, как и ты.

— Просто ты так хорошо знаешь эти места...

— Знать места — это не значит бывать в них раньше, Гаррет. Как гномы и карлики ориентируются в своих подземных лабиринтах? Они дети гор, и им не надо каждый раз узнавать, где восток, а где запад. Гоблины, дриады, эльфы и орки — все мы дети Заграбы и никогда не заблудимся в ней. Мы всегда знаем, где находимся, независимо от того, в какой части леса оказались. Вам, людям, слишком сложно это понять.

Мы продолжили путь. Красnobровник начал редеть. Ели и лиственницы оттеснили кусты в сторону, проклятый запах цветов почти исчез, но тишина никуда не делась. Отряд все еще находился в урочище.

Мы опять шли, шли и шли. Легкий мешок потихоньку стал тянуть меня вниз, кольчуга стерла все плечи, давила на спину, ноги наливались усталостью и болью. Давно пора было сделать привал, мы топали уже несколько часов, но Эграсса лишь увеличивал темп, стараясь как можно скорее вывести отряд из урочища.

Первым почувал неладное Кли-кли. Он споткнулся, оглянулся и втянул в себя воздух ночного леса.

— Кли-кли, не останавливайся,— попросил гоблина Халлас.

— Что-то не так,— обеспокоенно сказал гoblin.

— Что не так?

— Не знаю,— буркнул шут и заторопился дальше.

Затем остановился Эграсса и поднял руку, чтобы мы не шумели. Эльф долго вслушивался в мрачную тишину ноч-

ного леса, а затем что-то сказал Миралиссе на гортанном орочьем наречии.

Она ответила на том же языке, и Эграсса вновь повел нас вперед. Эльфы поминутно оглядывались. Я тоже не сдержался и оглянулся, но позади нас была лишь узенькая тропинка, посеребренная светом луны, и мрачные стены елей, возвышающиеся по обе стороны от нее.

— Что происходит? — спросил Алистан Маркауз.

— Пока ничего, милорд, просто не отставайте.— Эльф почти перешел на бег.

Миралисса бубнила что-то себе под нос, иногда взмахивая руками. Я с ужасом понял, что она на бегу подготавливает какое-то заклятие. Вышей меня тьма, они могут сказать, что происходит, или нет?!

Кли-кли подпрыгивал впереди меня, мешок бил его по спине, и короткономому гоблину было нелегко поддерживать тот темп, что задал нам Эграсса.

Гоблин тихонечко повизгивал. Поначалу я думал, что это он так дышит от натуги, а потом понял: Кли-кли скулит со страху. Вот тогда-то я и напугался.

Сильно.

— Кли-кли! — рявкнул я ему.— Давай сюда свой мешок, тебе будет легче идти!

Шут посмотрел на меня. Синие глаза были полны животного первобытного ужаса. Мне пришлось повторить свое предложение дважды, прежде чем он понял, чего я от него хочу. Гоблин не стал спорить и сразу же передал маленький мешок с пожитками мне.

— Что происходит?—повторил я уже прозвучавший вопрос.

— Флейта! — пискнул шут.

— Какая, во тьму, флейта?!

— Просто иди быстрее, ладно?

Вот и весь сказ.

А затем я услышал это. Услышал и в первую секунду даже не поверил, что такое возможно. Тишину разорвала чистая хрустальная трель. Едва слышный звук. Расстояние до неизвестного флейтиста, видать спяну вздумавшего поиграть в ночном лесу, было довольно большим. Флейта настолько неожиданно разрежала покой ночи, что я остановился как вкопанный и в меня тут же врезался Делер.

— Перебирай ногами, Гаррет, коли жить охота! Не знаю, что там за нашей спиной, но чувствую, что ничего приятного мы от него не дождемся!

Эграсса перешел на бег. Вновь раздалась трель флейты, теперь намного ближе, чем в прошлый раз, и тогда-то я понял, кто приближается к нам. Лишь одно существо издавало звуки, так похожие на трель флейты. Орки прозвали это чудовище Ужасной флейтой или Х'сан'кором.

— Спаси нас всех, Сагот! — вырвалось у меня.

— Это вряд ли! Просто беги, Гаррет!

И мы побежали. С каждым разом трели становились ближе и громче. Звуки флейты подстегивали нас не хуже, чем боевой кнут-ламия. Кем бы ни была тварь, именем которой нас пугали по ночам в далеком детстве, бегала она быстро, гораздо быстрее, чем мы.

— Я... думал... они... все... давно... вымерли... или... вообще... сказка,— сипел Фонарщик.

Мумр выбросил свой мешок, сейчас ему хватало веса одного биденхандера. Но тяжелее всех приходилось Алистану Маркаузу. Наконец капитан гвардии не выдержал, отбросил в сторону шлем, затем щит, потом настал черед малой булавы. Из оружия у графа остались только меч и кинжал.

— Как... видишь... не... все,— прохрипел Кли-кли.— ЭТОТ... вполне... жив... и голоден. Он... не... сказка...

— Почему мы... бежим? — задыхался я.— Еще три минуты такого бега, и я сохну.

— Чтобы... не... съел... дурак! Ждем... когда... Миралисса... сотворит заклятие!

«Быстреей бы! — подумалось мне.— Сагот, если ты меня слышишь, поторопи ее!»

Деревья слились в одну темную мелькающую полосу. Мир сузился до узкой тропки, спины Кли-кли, хрипа, вырывающегося из моей груди, бормотания Миралиссы и воплей Х'сан'кора, вышедшего на охоту. Пот застилал глаза, волосы прилипли ко лбу, хотелось остановиться, упасть и умереть прямо здесь. Но все бежали, и мне не оставалось ничего другого, как бежать вместе с ними.

— Брось... мешок... оба, — скрипуче посоветовал Кли-кли.

Я с облегчением отбросил его мешок в сторону, затем скинул со спины свой, и бежать стало значительно легче.

Еще бы сбросить кольчугу, но для этого надо остановиться, а остановка сейчас — это прямой путь в желудок твари.

Трель флейты... и ровно через секунду ей ответила другая.

— Их двое! — взвизгнул Кли-кли.

В этот самый момент Миралисса закончила бормотать, и кусты справа от дороги раздвинулись в сторону, открывая проход.

— Туда! — выдохнула эльфийка.

Нас не надо было уговаривать дважды. Кусты, как только мы сошли с тропы, сдвинулись за нами, примятая трава волшебным образом распрямилась, как будто ее и не топтали наши ноги. Отряд оказался в ельнике, где нас окружил густой мрак. Мигнуло, и по телу забегали мелкие мурашки.

— Теперь мы невидимы, но не стоит рисковать, ложитесь! — приказала Миралисса. — Кли-кли, твой народ знает защитные заклятия, на Х'сан'кора магия эльфов практически не действует. Помогай!

— Я не умею, — заныл испуганный гоблин. — Только самую малость, что дедушка научил!

— Делай, что можешь! — яростно прошипела эльфийка, распыляя по воздуху какой-то порошок.

Кли-кли кивнул и закрутился волчком. Прошло десять долгих секунд, и гоблин рухнул на траву, а мир на краткий миг полыхнул розовым. Не знаю, что это было, но Миралисса одобрительно кивнула:

— Хорошо, а теперь не шевелитесь и даже не дышите. Сейчас для Флейты вы всего лишь корни деревьев. По крайней мере, на минуту...

Последние слова она пробормотала тихо-тихо.

Вляпались мы знатно.

О Х'сан'корах практически ничего не известно, что вполне естественно — те, кто с ними встречается, обычно ничего никому не рассказывают (по причине внезапной кончины). Так что все, что мы имеем об Ужасных флейтах, — это страшные легенды эльфов и гоблинов о таинственных чудовищах леса да несколько гравюр с изображением трупов Флейт (я лично до сих пор не представлял, как выглядит эта тварь).

Два обнаруженных тела Х'сан'коров особо храбрые трапперы, забредающие в глубину Золотого леса, продали за бешеные деньги (одно тело досталось Ордену, другое купил

какой-то коллекционер). Да еще, лет триста назад, один особо храбрый и глупый барон Приграничья устроил на Х'сан'-кора охоту. Половина отряда полегла, но тварь удалось захватить живьем. Пока к барону спешили пустившие слюну маги Ордена, Флейта не стал ждать, проломил клеть, куда его по глупости усадили, и перебил весь замок вместе с соседней деревушкой. А затем дождался магов и прикончил почти всех. Оказалось, что на тварь совершенно не действует боевая магия, поэтому лишились трех адептов и семи аколитов. Счастье, что среди орденских был архимаг, который и прибил чудовище, обрушив ему на голову близлежащую мельницу.

Но это дела давно минувших дней. Рядом с нами не было ни находчивого архимага, ни лишней мельницы. Сейчас мы лежали на земле, не шевелясь и едва дыша. Вновь раздалась трель флейты. Ох, как близко, тьма меня разбери! Первой флейте тут же ответила вторая.

— Я бревно, я невидим,— тихонько зашептал я. Волосы на голове со страху встали дыбом.

Кли-кли пребольно пнул меня ногой и приложил палец к губам. Я моргнул глазами, мол, понял, затыкаюсь.

Из нашего укрытия открывался великолепный вид на тропинку. Ночная тишина то и дело прерывалась трелями, и оставалось лишь молиться Саготу, чтобы нас не заметили.

— Они кого-то гонят! — прошипел Мумр и тут же заработал болезненный тычок от Угря.

То, что я увидел через мгновение, осталось в моей памяти навечно.

По тропинке бежал человек. Даже не бежал, а летел, вкладывая в бег все свои силы. Незвестный едва касался ногами земли, он огромными скачками убегал от преследующих его чудовищ. Вот его сапог задевает землю, толчок, человек пролетает добрых три ярда, вновь касание земли и вновь длинный скачок. Могу поспорить, при сильном желании парень способен бежать наравне с лошастью. Серый плащ развевался за его спиной, как крылья ночной птицы, лицо скрыто капюшоном. В руках человек держал копьё с черным древком и очень широким листовидным наконечником.

За четыре секунды человек появился, пробежал мимо нас и исчез за деревьями.

А потом пришли они.

Вновь запела флейта, и из-за поворота выскочило существо. Оно пробежало настолько быстро, что я даже не успел разглядеть его — росчерк красно-черно-зеленого с нелепо длинными ногами и руками. Миг — и тварь уже исчезла. Х'сан'кор был слишком увлечен преследованием добычи, чтобы обратить на нас внимание, к тому же благодаря Миралиссе и Кли-кли мы на какое-то время стали невидимы для его глаз.

Опять прозвучала флейта, говоря, что она уже близко, и пробежавший мимо нас Х'сан'кор ответил ей.

Вторая тварь выскочила на тропинку, неожиданно споткнулась и остановилась прямо напротив того места, где мы прятались. Глаза, пылающие лиловым огнем, обратились в нашу сторону. Я вжался в землю. Теперь это существо можно было очень хорошо рассмотреть.

Высокая, в три человеческих роста фигура казалась нелепо худой, длиннющие ноги и руки, голова на точно такой же, как и тело, худой шее. Башка у Х'сан'кора больше всего была похожа на причудливый лягушачий череп, обтянутый кожей.

Я не увидел у твари ни шерсти, ни чешуи, вся кожа была размалевана в красно-черно-зеленую полоску. Нос — черная впадина, огромные, на полморды, глазницы лилового пламени, короткие витые рога на голове, рот... Отчего-то я думал, что в нем будет много зубов, но, когда тварь раздвинула губы и оскалилась, я с удивлением обнаружил, что в пасти у нее не больше пяти кривых желтых пеньков. Никакой брони или одежды, зато в правой когтистой лапе нечто похожее на шипастую дубину, а в левой... в левой Х'сан'кор держал брошенный мной не далее как пять минут назад мешок.

В животе зашевелились ледяные черви. Оно не может нас увидеть! Оно не должно нас увидеть!

Тварь поднесла мешок к носу, понюхала, фыркнула и отбросила его в сторону.

Где-то в отдалении прозвучала победная мелодия флейты, видно, первая тварь наконец настигла человека. Х'сан'кор, нюхавший воздух, отвлекся, склонил голову набок и стал вслушиваться в призыв товарища. Победная трель сменилась ревом боли, а затем в ночном лесу наступила оглушающая тишина.

Было слышно, как колотится сердце лежавшего рядом со мной Фонарщика. В голове бился только один вопрос: почему тварь так сильно орала? Видно, этот вопрос мучил не только меня, Х'сан'кор сделал несколько неуверенных шагов по тропинке туда, откуда донесся рев...

Вдруг мир вновь мигнул розовым, колючие мурашки, беспрестанно бегающие по телу, пропали, заклинания Миралиссы и Кли-кли исчезли, и... чудовище увидело нас. Тварь с грозным рычанием двинулась вперед, ломая кустарник.

— Рассыпаться! — Миралисса уже была на ногах. — Нападать на него со всех сторон, разом!

Ну и перепугался же я в этот момент! Эльфийка пела заклятие, воины подались назад, завлекая Х'сан'кора, а я смотрел, как к нам приближается эта похожая на ожившую смерть тварь. Лиловое пламя в глазах Флейты горело холодным огнем.

Взвизгнула стрела Эграссы, и я пришел в себя.

— Стреляй, Гаррет! — крикнули мне.

Я попал, болты угодили точнехонько в грудь лесного чудовища, и я стал перезаряжать арбалет, теперь уже ледяными болтами, потому как от обычных никакого толку не было. Тварь их даже не почувствовала, впрочем, как и стрелы эльфа. В чудовище их уже было штук шесть, но оно не испытывало от этого никаких видимых неудобств.

Перед Х'сан'кором полыхнула зеленая стена (точно такая же, как та, что сотворила Миралисса в гнезде слуг Неназываемого). Х'сан'кор остановился, взревел так, что у меня заложило уши, и грохнул дубиной по волшебной преграде. Видать, дубина твари оказалась непростой, потому как стена довольно заметно прогнулась.

— Я не удержу его долго! — закричала эльфийка. — Эграсса, Гаррет! По глазам! Выберите их ему!

К этому моменту на Х'сан'коре уже не было живого места, эльф утыкал тварь стрелами по самую макушку. Чудовище сделало шаг назад, а затем с ревом вновь атаковало стену. Эльфийка застонала от напряжения, пытаясь удержать преграду. Я разрядил арбалет в тварь, ледяные болты звонко разбились, не причинив врагу никакого ущерба.

— На него не действует боевая магия! — Кли-кли бросил первую пару метательных ножей. — Обычными! По глазам!

— У меня стрелы кончились! — крикнул Эграсса.

Вновь рев, удар, вспышка стены и сдавленный стон Миралиссы.

— Возьми мои! — Эльфийка отчаянно шептала новое заклятие.

Эграсса бросился к ней, Кли-кли расстался с еще одним ножом, Халлас колдовал над небольшим костерком. Чего он делает, тьма его заберит?!

Перезарядка, рычаг на себя, прицелиться в лиловое пламя... Похоже, Х'сан'кор прекрасно понимал человеческую речь. Он увидел, что я целюсь в его самое уязвимое место, прекратил штурмовать стену, отделяющую нас от него, и в тот момент, когда я нажал на оба спусковых крючка, закрыл глаза лапой.

Чпок! Чпок! Оба болта попали в ладонь. Тварь нехорошо глянула в мою сторону, обещая тысячелетия мучений, как только она до меня доберется, и как заведенная шарахнула дубиной по стене. Та издала жалобный стон, но выдержала и на этот раз.

Треньк, треньк! Вновь запела тетива эльфийского лука. Одна стрела попала в пасть, другая застряла в голове, только каким-то чудом разминувшись с глазом. Тварь сунула лапу в рот, выдернула стрелу и вымолвила какую-то погань на корявом и совершенно непонятном языке. Очередная стрела, выпущенная Эграссой, сгорела в воздухе, так и не долетев до цели. Такая же участь постигла мой болт.

Этот гад еще и колдовать умеет?!

— Бесполезно! — эльф убрал лук и обнажил с'каш.

Кли-кли выл и крутился волчком, творя заклятие. Миралисса закончила шаманство, и в свете луны и отблесках костерка гнома вся ближайшая трава поднялась в воздух, собралась в одном месте, сложилась в лезвие огромного ножа и ударила в грудь Флейты.

Не подействовало. Нож упал и рассыпался безобидной травой. Алистан Маркауз выругался, чудовище издало победный хохоток и обрушило дубину на едва державшуюся стену.

Бах-бах! Два выстрела из пистолетов слились в один и отвлекли Кли-кли от заклятия.

Халласа окутало вонючим пороховым дымом. Левый глаз твари лопнул и погас. В реве врага смешались боль и ярость. Второе попадание пришлось несколько ниже, пуля

пробила шею. Тело Х'сан'кора и так было черным от текущей из десятков ран крови, а теперь из его шеи упругими толчками выходила жизнь. Гном молодец, он вовремя сообразил, что поставленное Флейтой заклятие может действовать на стрелы и арбалетные болты, но ядра, или пули, как называет их Халлас, могут пройти магическую преграду. Так и случилось.

Бах!

Гном великолепно владел оружием, и теперь погас правый глаз чудовища. Но, вопреки моим ожиданиям, Х'сан'кор все еще твердо стоял на ногах. Слепший, да еще и воющий, как сотня поджаривающихся на сковородке грешников, он обрушился на стену.

Она вспыхнула в последний раз и лопнула, разлетевшись тысячью зеленых осколков. Я думал, от звона у меня голова взорвется. Миралисса беззвучно осела на землю. Три ели, находящиеся рядом с уничтоженной стеной, вспыхнули зеленым пламенем. Деревья горели от земли до самой верхушки, освещая лес зеленым светом.

Делер вопил и катался по земле, его куртка вспыхнула. К карлику бросился Угорь и принялся сбивать пламя с его спины. Огонь ревел и пожирал деревья, Х'сан'кор пронзительно визжал и слепо размахивал перед собой дубиной, надеясь задеть кого-нибудь из нас.

— Все назад! Валите отсюда, живо! — заорал Халлас.

Угорь помог Делеру подняться, и они побежали в глубь леса. Алистан и Эграсса подхватили лежащую Миралиссу и потащили ее подальше от чудовища. Я улепетывал следом за всеми, сейчас не было времени рассуждать, что к чему, у гнома в рукаве мог быть припрятан очередной сюрприз.

— На землю! — донесся до нас крик Халласа, и все как один послушно упали.

— Ко мне, ублюдок! Иди сюда!

Гном рядом с воющим Х'сан'кором казался мелкой букашкой.

Тварь слепо била по земле дубиной и шла на голос.

— Ну? Я здесь! Поймай меня, рогатая сволочь!

Х'сан'кор что-то прорычал, и его оружие разметало ближайшую молодую елочку на миллион щепок. Когда Флейта поравнялся с разведенным костром гнома, Халлас что-то

швырнул в огонь и со всей поспешностью своих коротких ног бросился прочь.

От ослепительной вспышки, озарившей лес, я на миг перестал что-либо видеть. Затем раздался оглушительный хлопок, пламя взметнулось к самому небу, и земля ощутимо вздрогнула.

Когда яркие пятна исчезли из глаз, передо мной предстала картина разрушений, причиненных неизвестным оружием Халласа. Ели продолжали гореть, и света было предостаточно — можно разглядеть творящееся вокруг нас. Счастливчик стоял на четвереньках и отчаянно тряс головой. Лицо гнома оказалось залито кровью, борода опалена. На том месте, где совсем недавно горел костер, появилась яма. Рядом с ней лежал Х'сан'кор, взрывом ему оторвало обе ноги, но, несмотря на это, тварь пыталась дотянуться лапой до дубины.

— Живучая сволочь! — произнес Мумр, поудобней перехватывая рукоять меча.

— Отрубите ему голову! — крикнул откуда-то сзади Эграсса.

— Гаррет, позаботься о Халласе! — приказал Делер, поднимая секиру.

Угорь, Делер, Алистан Маркауз и Фонарщик бросились к Х'сан'кору.

— Ты в порядке? — Я помог гному подняться.

— Я ни хрена не слышу, Гаррет! — проорал гном и затряс головой. — Ни хрена! Куда ты меня тащишь?!

— Подальше!

— Чего?! Говори громче!

— Подальше отсюда!

— Я сам идти могу!

— У тебя все лицо в крови!

— Кто?! А! Задело! Царапина!

Между тем Алистан подскочил к чудовищу и изо всех сил вонзил ему в грудь меч. Тварь взревела и слепо отмахнулась рукой. Удар пришелся в нагрудник милорда Алистана и сбил графа с ног.

Мумр взмахнул биденхандером и остановил повторно опускающуюся на милорда руку. Меч перерубил Х'сан'кору запястье, и кисть повисла на лоскуте кожи. Тем временем Угорь всадил «брата» и «сестру» в другую руку, пригвоздив

ее к земле, а Делер, широко размахнувшись, вбил лунообразное лезвие секиры Х'сан'кору в лоб.

Тварь редела, выла и размахивала обрубок, из которого хлестала кровь. Мумр подлетел к обездвиженной Угрем руке и, хакнув, тремя ударами перерубил ее возле самого плеча.

— Умри! Умри! Да умри же ты, сволочь! — Карлик обрушил на голову Х'сан'кора град ударов.

Тяжелое оружие крушило плоть и ломало кости. Флейта дергался, хрипел и... жил. Кто бы ни создал эту тварь на самой заре времен, но живучестью он наделил ее отменной, любой х'варр лопнет от зависти.

В груди у Х'сан'кора kloкотало, Алистан Маркауз решил не церемониться и превратил ее в решето. Из рта чудовища доносились хрипы и невнятные обрывки фраз. По-моему, оно решило осчастливить нас новым заклитием. Так думал не только я.

— Да отрубите же ему башку наконец! — пронзительно взвизгнул Кли-кли.

— Гаррет, где моя мотыга? — Халлас зажимал левой рукой рассеченную бровь, а правой пытался оттолкнуть меня.

— Успокойся, они сами справятся!

— Как же, справятся! Башку долой, тупицы!

— Делер, справа! — рявкнул Мумр, раскручивая Биденхандер над головой.— Угорь, милорд! Отрубите ему культю, чтоб не дергался! Начали! И э-э-эх!

Биденхандер рухнул на шею чудовища. Затем секира. Потом снова двуручник. Карлик и человек работали, как злые лесорубы. Наконец Делер в третий раз опустил секиру, и Х'сан'кор замолк. Теперь уже навечно.

— Штихс фаста райк! — выругался на гномьем языке Делер и вытер рукавом пот со лба.— Запарились! Халлас, ты как?

—Что?! Жив. А твоя спина?

—Куртка сторела,— скорчил физиономию карлик и закинул секиру на плечо.

Ели все еще продолжали гореть, но зеленое пламя уже успело смениться обычным, немагическим.

— А скажи-ка мне, друг Халлас, что это ты в огонь бросил? — задумчиво спросил у гнома Кли-кли, изучая образовавшуюся в земле яму.

— Громче говори!

— Что в костер кинул?!

— Много будешь знать — быстро помрешь,— отрезал гном.— Рог с порохом, вот что! Из-за этой страхолюдной паскуды у меня осталась заряженной только одна пистоль! Ладно... Шут с ней, с пистолью! Главное, что все живы. Скажу ребятам в Великане, что Х'сан'гора завалил, так они ведь не поверят!

— Это ты-то завалил? Если б мы с Фонарщиком не оттяпали ему голову, то плакала бы твоя опаленная бороденка! — Делер не собирался оставаться в стороне от такого подвига.

— Вы не забыли о первом чудовище, милорд? — спросил я у Алистана Маркауза.— Где-то там, впереди, точно такое же, только, в отличие от этого, оно живехонько!

— Думаю, о той Флейте нам не стоит больше беспокоиться, Гаррет,— тихо вымолвил Эграсса.— Будь Х'сан'кор жив, он бы уже пришел на шум, что мы здесь устроили.

— Неужели человек убил его? — Халлас не мог поверить в такое.

— Видимо, да.

— Значит, он еще опаснее Флейты,— заключил Угорь.— Что с леди Миралиссой?

Вопрос гарракца повис в воздухе, все смотрели на эльфа, который все это время оставался с эльфийкой.

—Теперь уже ничего,— ответил темный и убрал с'каш за спину.

Глава 3

У ВРАТ

Нам потребовался час, чтобы сложить погребальный костер. Деревьев вокруг было много, и секира Делера поработала на славу. Да и остальные ненамного отстали от карлика. Теперь груды дров, на которую положили Миралиссу, не уступала размерами погребальному костру, который мы сложили, когда умер Элл. Рядом с эльфийкой лежали ее с'каш и лук. Эграсса оставил себе только колчан.

Когда эльф подвел нас к Миралиссе, никто не поверил, что эльфийка умерла. Казалось, что она просто спит или отдыхает, закрыв глаза. Никаких ран, кольчуга из голубоватой

стали осталась целой. И лишь когда мы подняли девушку, чтобы отнести на костер, из ее правого уха вытекла одна-единственная капелька крови.

Миралиссу убило ее же шаманство. В тот момент, когда под напором Х'сан'кора лопнула и разбилась магическая стена, лопнула и разбилась нить жизни эльфийки. Принцесса дома Черной луны полностью вложила себя в магию, и сила отката заклятия не оставила ей никаких шансов остаться в живых.

Когда волшебное пламя костра превратилось в дикого ревущего дракона, грозившего сжечь луну и звезды, а Миралисса навсегда скрылась в рыжих языках пламени, Эграсса запел погребальную песню.

Огонь яростно ревел, принимая душу Миралиссы, проводя ее в свет, но голос эльфа перекрывал этот рев. Отблески костра плясали на лицах воинов, молчаливо наблюдающих за беснующимся пламенем.

Халлас и Делер сейчас казались братьями — оба мрачны и молчаливы. Алистан Маркауз крепко стиснул зубы и сжал кулаки. Как всегда бесстрастный Угорь — на его лице ни тени эмоций, лишь в глазах цвета стали плещется усталость. Фонарщик опирался на биденхандер и с прищуром смотрел в огонь. Кли-кли, рыдающий в три ручья и размазывающий слезы по щекам. И я...

Какой?

Наверное... опустошенный... и... очень уставший. Сейчас мне не хотелось ни-че-го.

— Кли-кли, прекрати рыдать.— Эграсса закончил песню.

— Я не рыдаю,— сдавленно прохныкал гоблин, стараясь скрыть от нас свои слезы.

— Я что, не вижу?

— Говорю же, что не рыдаю, значит, не рыдаю!

— Она знала, что делала. Утешься тем, что, не продержи кухня стену так долго, мы все стали бы мертвецами.

— Но...

— Она истинная дочь дома Черной луны и сделала это, чтобы мы завершили то, зачем сюда пришли. У нас, эльфов, совершенно другое отношение к смерти. Она погибла не зря, и хватит об этом!

Гоблин поспешно кивнул и высморкался в огромный носовой платок.

Мы продолжили путь, когда от костра остались лишь одни угли.

До рассвета оставалось не больше двух часов, и Эграсса, не считаясь с усталостью, вел нас вперед.

Я до сих пор не верил, что мы потеряли Миралиссу. Кто угодно, но только не она. Я отчего-то считал, что с ней мы дойдем до самого конца. Но, как говорится, человек предполагает, а боги располагают. Пепельноволокная эльфийка с вечно вежливой полуулыбкой на иссиня-черных губах и загадочными желтыми глазами навсегда ушла от нас, исчезнув в огне.

Теперь мы продвигаемся к Храд Спайну лишь благодаря знаниям эльфа и в меньшей степени гоблина. Не будь их с нами — отряд заплутался бы в лесах и нипочем не нашел бы могильники, даже будь они в ста ярдах от нас.

С гибелью Миралиссы мы понесли еще одну невосполнимую потерю — практически лишились магической защиты. Да, Эграсса кое-что умел, но это «кое-что» ограничивалось поверхностными знаниями, которыми обладает любой из правящей семьи дома темных эльфов. Эльфийка тоже не являлась полноправной шаманкой, но ее умения были не в пример глубже, чем у Эграссы.

Был, конечно, еще Кли-кли — несостоявшийся ученик деда-шамана, но ему в этом вопросе вообще не стоило доверять, иначе можно оказаться с поджаренными пятками в самый неподходящий момент. У нас уже были прецеденты, когда благодаря гоблинским знаниям магии отряд едва не отправлялся к богам. Лично мне больше рисковать не хотелось.

Когда мы покидали пепелище погребального костра, гоблин вытащил из тела расчлененного Х'сан'кора метательные ножи и напоследок зло пнул отрубленную голову. Я поднял брошенный чудовищем мешок.

Сейчас Кли-кли плелся впереди меня и все еще продолжал хлопать носом.

— Ты как? — участливо спросил я у гоблина.

— В порядке, — гнусаво сказал он и украдкой вытер слезы. — В полном порядке.

— Мне тоже жаль, что она погибла.

— Угу. Почему так происходит, Гаррет?

— Не знаю, дружище, из меня не очень хороший утешитель. На все воля богов.

— Богов? Эта шайка существует здесь только благодаря тому, что какой-то Танцующий создал этот мир и разрешил им здесь поселиться! — Он вздохнул. — Ладно, не будем об этом.

Танцующий...

Это мое проклятие. По словам гоблина, я тоже Танцующий в тенях. По крайней мере, так говорит знаменитая Книга Пророчеств гоблинских шаманов. Не знаю, с чего он взял, что я Танцующий (первый за последние десять тысяч лет), но доказывать гоблину, что ты не баран, все равно что заставить солнце повернуть вспять.

Ни первое, ни второе невозможно. Так что иногда шут называет меня Танцующим в тенях. Я полмесяца пытался вытрясти из него, кто же такой этот Танцующий и что ему следует делать. Наконец проклятуший маленький мерзавец сдался и выдал старую байку своего придурковатого племени.

Вроде бы раньше существовал мир Хаоса, первый и единственный мир Вселенной, в котором и жили люди. Некоторые из них обладали странными свойствами творить новые миры. Для этого нужна была любая тень мира Хаоса.

Таких людей прозвали Танцующими с тенями. Они строили тысячи тысяч миров и в итоге достроились до того, что в мире Хаоса почти не осталось этих чудодейственных живых теней, и Хаос умер. Но суть не в этом. Просто если гоблинская теория не врет, то и наш мир сотворил кто-то из Танцующих с тенями. Парень, видать, был немного безумен, иначе отчего наш мир вышел таким препоганейшим?

Что до меня — так я никаким Танцующим себя не ощущал, чего бы там ни талдычил Кли-кли. Хотя было бы неплохо создать собственный мир, где появятся горы золота и не будет сволочных стражников, их охраняющих. Но тут я ничего не могу поделать, так как для создания нового мира нужны тени Хаоса.

А, тьма! Кто разберет эти гоблинские предания?!

Эграсса неожиданно вскинул вверх руку, призывая остановиться. Еще один едва заметный жест, и все потянулись за оружием. Эльф с наложенной на тетиву стрелой сделал шаг вперед и в сторону, пропуская воинов.

Тропа привела нас на небольшую лесную поляну. Здесь находились двое. Х'сан'кор, распоротый от шеи до паха и выпотрошенный, словно рыба на рынке, и разорванный человек в сером плаще. Ноги и нижняя часть туловища лежали рядом с Х'сан'кором, а верхняя половина оказалась отброшенной на несколько десятков ярдов.

— Оба мертвы,— заключил Алистан Маркауз, вгоняя меч в ножны.

— Как же несет от его потрохов! — скривился Халлас, закрывая рот и нос рукавом рубахи.

Гном прав: от мертвого Х'сан'кора воняло похуже, чем от сотни разлагающихся на жаре мертвяков.

— Да-а-а,— протянул Фонарщик,— знатно парень тварь выпотрошил. В одиночку прибить Флейту — это даже не сказка, это...

— Легенда,— подсказал воину Угорь, внимательно рассматривая место, где произошел бой.— Прибить-то он прибил... но посмотрите на следы... Эграсса?

— Да, он вспорол ему брюхо вот этим.— Эльф держал в руках черное копьё незнакомца.— Но его это не спасло. Даже смертельно раненное чудовище опасно. Умирая, он успел разорвать человека на две половины.

— Один удар на один удар,— пробормотал Угорь, разглядывая примятую траву.

— Ты о чем? — спросил милорд Алистан.

— Каждый из них нанес всего лишь по одному удару, милорд. Вот видите эти отметины на траве? Хоть я и не Кот, но вполне могу разобраться. Все закончилось очень быстро. Человек шагнул, ударил снизу вверх и вывалил Флейте все потроха.

— Он должен был быть очень быстр, чтобы совершить такое. Двигаться столь же проворно, как и с Х'сан'кор,— не веря словам Угря, сказал Делер.— Люди на такое не способны.

— Ты видел, с какой скоростью этот серый пробежал мимо нас? И видишь, что он сотворил с тварью? Так какого же рожна тебе еще надо? — спросил у Делера Халлас.

— Не знаю,— неохотно буркнул карлик.— Просто что-то не верится.

— Но это так,— продолжил Угорь.— Парень убил тварь, но с Х'сан'кором он встретился впервые, и незнание повадок

чудовища его погубило. Он думал, что нанес смертельную рану и потерял бдительность. Флейте, прежде чем умереть, хватило секунды, чтобы разорвать своего убийцу.

— А ну-ка, Делер, рубани с его башки рога.— Халлас задумчиво поглаживал рукоять любимой мотыги и смотрел на мертвую тварь.

— Чего? — удивился карлик.

— Того! У тебя в руках секира или палка? Руби ему с башки рога!

— Зачем, забери меня тьма?!

— А затем! Знаешь, сколько стоят рожки Х'сан'кора?

— Не знаю, их еще никому не продавали.

— Во-во! Именно что не продавали! Они бесценны! Вот и думай, сколько нам золотых за такое чудо тот же Орден, гори он в бездне, отвалит! Представляешь, купим сотню бочек самого дорогощего эльфийского вина, ту же «Янтарную слезу» к примеру.

— Лопнешь, Халлас,— подтрунил над гномом Фонарщик.

— Не лопну. Я же не только для себя куплю! Отвезем к Одинокому Великану, пора забить наши погреба хорошим вином.

— Великану, говоришь? Вино, говоришь? Что же, давай попробуем! — Делер поплевал на ладони и взялся за секиру.

— Эх! — между тем сокрушался Халлас.— Надо было и у первой твари рога повыкорчевать!

— Гаррет! — Кли-кли глазами указал на тело человека.

— Зачем? — Я понял, что задумал гоблин.

— Я хочу увидеть его лицо. Угорь, ты с нами?

— Идем,— односложно ответил Дикий.

Человек лежал лицом вниз, раскинув руки.

— Гаррет,— опасно начал Кли-кли,— переверни его.

— Сам переворачивай.

— Эй, Мумр! — гаркнул Угорь.— Зажги факел и дуй сюда!

— Сейчас!

— Гаррет, оттого, что ты стоишь, покойник не перевернется.— Кли-кли нетерпеливо переминался с ноги на ногу, как будто ему приспичило отойти в кусты.

— Вон пусть Угорь его переворачивает,— попытался снова отказаться я.

— Даже не подумаю. Мне он и задаром не нужен. Кстати, это, видимо, тот парень, о котором нам говорил флини,— ответил Угорь.

Как какая-нибудь грязная работа (ну там слазить в Храд Спайн за Рогом Радуги или покойника перевернуть), так сразу все вспоминают о Гаррете. С чего бы это?

Я со вздохом сделал то, что меня просили, а тут как раз подоспел Фонарщик с факелом.

— Чего вы, покойников не видели? — недовольно проворчал он.

— Поднеси факел поближе,— вместо ответа сказал Кли-кли.— Капюшон с него стяни, Гаррет.

Я сделал то, что просил гоблин, и мы увидели лицо убитого. Вот уж ожидал чего угодно, но только не того, что воин окажется молоденьким пареньком. Ему с очень большой натяжкой можно было дать лет восемнадцать, не больше.

Бледное, бескровное лицо, тонкие посиневшие губы, каштановые волосы, прилипшие ко лбу. Серый порванный плащ, грубая рубаша из некрашеной шерсти. На грудь свисает толстая серебряная цепь. На цепи дымчатый кристалл продолговатой формы.

Я наклонился над мертвым, стараясь рассмотреть загадочный камень.

— Кли-кли, живо зови Эграссу! — неожиданно произнес Угорь.

— Зачем? — изумился гоблин.

— Не нравится мне все это — его разорвали на две половинки, а вокруг ни капли крови.

И тут мертвец, от тела которого осталась лишь верхняя половина, распахнул глаза. Его рука метнулась ко мне со скоростью змеи и вцепилась в ворот куртки.

— Вы не должны... брат Рог... равновесие может быть... нарушено!

Я попытался вырваться, но рука держала крепко. Серые глаза смотрели прямо на меня, зрачки у парня были размером не больше булабочных головок...

Покойник ожил! Но не это меня ужаснуло. У человека (а перед нами лежал именно человек) во рту блестели тонкие белые клыки.

— Не берите... слышите? Равновесие...— просипел парень.

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Вор и герой — понятия несовместимые?

Композитор Геннадий Гладков в одном интервью вспоминал: «Солженицын говорит, что жил при трех поколениях. Первое — дореволюционное, когда люди жили «за Бога и царя» и понимали, для чего живут. Послевоенное поколение было уверено, что социализм, путь к коммунизму — это и есть та единственная правда жизни, ради которой стоит рвать пуп. И третье поколение — постсоветское. Оно оказалось самым страшным. Ничего святого! Никаких нравственных устоев!»

«Хроники Сиалы» известного писателя Алексея Пехова о похождениях вора Гаррета-тени показывают нам целый мир. Что же это за мир, где воры становятся героями?

Три книги: «Крадущийся в тени», «Джанга с тенями» и «Вьюга теней» — это увлекательно написанное эпическое полотно по сюжету, масштабности событий и грандиозности задач, которые приходится решать героям, очень напоминающее роман Толкиена «Властелин Колец».

Судьба королевства в руках вора! Звучит парадоксально, но это правда. Поэтому стремление помочь Гаррету в выполнении его миссии и лежит в основе поступков тех, кто сопровождает его в нелегком походе.

«Ушел с поколением хиппи Чужак с чужой земли, ушли коммунистические идеалы «Полдня», сошла на нет консервативно-утопическая Ордусь, но читатель остался. Народилось целое поколение, которое не жило при социализме, для которого ужасы 1984-го — пустой звук, которое запросто отменяет христианские и буржуазные ценности, желая построить новый мир на развалинах старого» — так писал Сергей Красиков в своей статье «Эскапизм со взломом». Алексей Пехов — в определенной степени выразитель этого нового поколения. Не имеющего нравственных устоев, как выра-

зился Гладков. Сиала — тот самый мир, где, в отличие от Средиземья, нет Зла, против которого, рискуя жизнью, шли бы сражаться герои. В руках мастера-вора — спасение королевства, а не мира. Спасение от кого? Кто враг? Неназываемый, именем которого пугают детишек,— кто он? «Зло и тьма», — говорит Гаррет. Впрочем, смотря как это понимать. «Он ведь... просто очень сильный волшебник...» — считает король. «Что есть зло, вор?! Что есть добро?! Кто сможет определить, что есть первое и что есть второе?! Где та неуловимая грань между добром и злом?!» — спрашивает Посланик. Вот, оказывается, как все непросто. И вору приходится своими поступками отвечать на эти вопросы.

Мир Сиалы антропоцентричен. Несмотря на то что он заселен множеством рас, человек оказывается сильнее всех. Не потому, что он действительно сильнее, но потому, что стремится к этому. Человек на протяжении всей истории своей считает себя царем природы. И всегда борется за это место. Вспомните «Легенду о мягком золоте»:

Тогда улыбнулся солдат-человек,
С усмешкой он эльфу сказал:
«Не надо платы. Мы все возьмем.
Золото — мягкий металл».

Человек находится в центре мира Сиалы. И можно понять возмущение орка по имени Олаг, который кричит Гаррету: «Вы появились самыми последними, даже доралиссцы, это отродье козжих матерей, появились раньше вас!.. Пока мы воевали с эльфами и пытались выковырять из проклятых гор карликов и гномов, вы разбежались по всему миру и стало поздно... Но вы даже хуже чумы! Вы хуже тараканов! Вы плодитесь со скоростью эльфийской стрелы и отличаетесь безумием бешеного волка! Вы можете только убивать и уничтожать все прекрасное, что есть в нашем мире! ...Вы не остановитесь до тех пор, пока не разорвете Сиалу на тысячу кусков...»

Во все времена человек — как особь и как вид — озабочен выживанием, пусть даже за счет других. «Жить захочется, так и не на такое пойдешь». Поэтому Злом оказывается Война. Не та война, которую всегда ведут люди друг с другом за какие-нибудь Спорные земли, а Война, суть которой — месть и утоление ненависти. Потому что приход Неназываемого

закончится смертью для всего королевства, а не потерей клочка болотистых земель.

Главной ценностью оказывается жизнь. «Зло становится добром, а добро — злом, стоит лишь посмотреть на них с разных берегов реки Жизни!» Нет жизни — нет всего остального. Какие тут могут быть нравственные устои? В такой ситуации и вор становится героем, ибо вор — некое средоточие человеческого эгоизма: чтобы жить, он ворует, нарушая одну из заповедей, может и убить, вор живет для себя, не считаясь с окружающими, у него нет друзей, близких людей. Вот он, герой нашего времени, — «хитрый и изворотливый человек», индивидуалист, для которого «нет ничего святого».

«Я принимаю Заказ», — ответил Гаррет королю. И вот небольшой отряд тронулся в далекий и опасный путь, конечная цель которого — спасение королевства. Так, по крайней мере, воспринимают путешествие его предводители — Алистан Маркауз и Миралисса. Но отношение Гаррета к спасению всех ироничное, он идет не поэтому. Он принял Заказ, и теперь его ведет профессиональная этика. Честность — странное для вора качество, однако оно — одна из основ его ремесла, ведь он мастер-вор. Выходит, есть еще ценности помимо жизни? Есть, и это — дело. Отряд, сопровождающий Гаррета, сильно поредел за время похода к Храд Спайну, и люди без слов отдавали жизнь за Дело. Чье-то дело было поменьше — обычное солдатское, чье-то побольше — спасение королевства, дома... Но любое дело должно быть выполнено с честью, воровское ли, солдатское ли, королевское ли... Как пел Щербаков, «всё победят только лишь честь и свобода». Честь и честность — слова одного корня. Честность перед делом, перед совестью, перед собой. Однако еще кое-что выносит Гаррет из своего похода, и это — понятие дружбы и доверия. Никому не доверять было своеобразным кредо мастера-вора до путешествия в Костяные дворцы — «когда был только ты и ночь, когда ты полагался только на себя и не держал за пазухой десяток друзей, обязательств и правил», — напоминает Гаррету его отражение.

Нет Тьмы, нет Зла, хотя нет и Добра. Но это не значит, что исчезли нравственные устои, они просто стали другими, изменились. «Куда-то делись незыблемые Социалистические Ценности. Их пытались было заменить на столь же незыблемые Православные, однако в результате естественного

отбора победило: «Контракт подписан, не выпить ли нам чаю «Липтон»?» (С. Красиков). Да, современные ценности во многом функциональны, потому что находить их приходится долгим опытным путем и собственной шкурой: надо пройти полмира, чтобы понять кое-что. Но от этого они не перестают быть абсолютными, то есть — выше жизни. Чтобы спасти друзей, королевство, дело, милорд Крыса повел за собой орков, зная, что умрет. И Смерть немного задержалась, оценив стремление Алистана Маркауза умереть воином и героем.

Спасти мир Гаррету все же приходится — мир Хаоса, Изначальный. «Спасаем мир и занимаемся другой бесполезной и совершенно дурацкой ерундой» — так он сам иронично отзывается о своих поступках. Интересно, однако, что делает это вор потому, что таким образом оплачивает личный долг перед тремя тенями, живущими в Изначальном мире: они спасли ему жизнь. Однако своим путешествием Гаррет спасает и собственный мир: он участвует в Игре, а «игрой и борьбой мир проходит проверку на жизнь».

В фантастике основной темой всегда было определение человеком своего места в мире. Литература фэнтези больше ориентирована на решение «вечных» и нравственных вопросов, потому что лишена злободневной, бытовой окраски, налета преходящих, внешних проблем, позволяя делать акцент на глубинных процессах отношений человека и мира, хотя постановка и решение вопроса остаются современными и своевременными. Мир, перманентно находящийся в состоянии войны. Парадокс всего человеческого существования: «Хочешь мира — готовься к войне». Однако в современном нам мире война становится опасной для всех, и Третья мировая, которая висит над миром как дамоклов меч, может стать последней войной в истории человечества, ибо после нее, возможно, писать историю станет некому. «Хроники Сиалы» довольно точно передают настроение, дух нашей эпохи: переоценка «всего святого» в преддверии великой резни. Чем так опасен Неназываемый? Против его армии найдется у Валиоистра своя армия. Но он обладает силой, человеку почти неподвластной, неизвестной, непостижимой. Поэтому так необходим древний артефакт — весь ход Войны, существование мира зависят от одной небольшой вещи-

цы, своеобразной «красной кнопки». И разные силы вступили в схватку за обладание ею.

Гаррет-тьень. Тень — не свет, не тьма, а их смешение. Герой отказывается от выбора, он живет в тени, в буквальном и переносном смысле. Он просто человек, который хочет жить, то есть есть и пить и... Тень — лейтмотив всей эпопеи: мир создавался из тени, главный герой — тень, она же его подруга, любовница, напарница. Тень «является убежищем для всех: для мирных горожан, в страхе прячущихся в ней от опасных людей; для грабителей, которые сидят в тени, скрывая ножи под плащами, ожидая добропорядочных граждан; для существ, которые живут в тени и охотятся по ночам на тех и других». Почему именно она? Потому ли, что она не свет и не тьма? Потому ли, что скрывает от других — людей и нелюдей? Однако не было бы тени, если бы не было света и тьмы. Значит, все же есть из чего выбрать?

Но мир — всего лишь тень, а значит, вопроса выбора просто нет — живи и делай свое дело. Вот закончилась война, победа за нами, и что дальше? А дальше жизнь продолжается — «весна как-никак!» — и каждый занимает в ней свое место. Остатки отряда Диких уходят к Одинокому Великану продолжать нести охранную службу, гоблинша, задержавшись в Авендуме, «пока нужна», возвращается в леса Заграбы шаманить.

Герой ли Гаррет? «Я уже начинал ловить на себе вопрошающие взгляды. Наверное, некоторые из присутствующих здесь предположили, что, раз я путешествую с такими отчаянными и уважаемыми личностями, как Халлас и Делер, значит, и я легендарный герой и по меньшей мере голыми руками скрутил шею Неназываемому». Однако героичность Гаррета остается такой же предположительной и условной, как и спасение им мира, которое он совершал в снах. Он видел сны, и нельзя достоверно утверждать, что то, что ему снилось, было на самом деле, что бы ни твердили гоблинские шаманы. Гаррет — не герой, он персонаж. Если он и совершил подвиг, то это был подвиг верности себе, честности перед собой и людьми, собой — человеком, обычным — ни большим, ни маленьким — человеком, который во все времена остается в тени истории.

ОЛЬГА ЖАКОВА

СОДЕРЖАНИЕ

ВЬЮГА ТЕНЕЙ. Фантастический роман.	5
<i>Глоссарий</i>	523
<i>Ольга Жакова</i> . Герой нашего времени.	535